

Стенийские хроники 1

Екатерина Гитман

# ЕКОЛЬКО СТОИТ КОРОНА



Е. Гитман

**Сколько стоит корона**

«Автор»

2018

## **Е. Гитман**

Сколько стоит корона / Е. Гитман — «Автор», 2018

Средние века. Торден Дойл — младший брат короля, глава тайной службы, горбун. Всеми силами он помогает брату поддерживать мир и спокойствие в стране, ищет врагов и казнит предателей. Он привык к сложным загадкам и грязной работе. Но в этот раз враг, кажется, ему не по зубам. На жизнь короля покушаются ведьмы, и главная среди них, по слухам, прибыла в столицу. Проблема в том, что женщина, которую Торден подозревает, умна и хороша собой. Даже слишком. Первый роман «Стенийских хроник». Действие происходит в мире, очень похожем на наш, с одним маленьким отличием — охота на ведьм оправдана, потому что ведьмы существуют.

© Е. Гитман, 2018

© Автор, 2018

# Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	51
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

## Е. Гитман

# Сколько стоит корона

«...Я, сделанный небрежно, кое-как  
И в мир живых отправленный до срока  
Таким уродливым, таким увечным,  
Что лают псы, когда я прохожу, —  
Чем я займусь в столь сладостное время,  
На что досуг свой мирный буду тратить?  
Стоять на солнце, любоваться тенью,  
Да о своём уродстве рассуждать?»  
У. Шекспир. «Ричард III». пер. Мих. Донского

## Пролог

От боя барабанов закладывало уши, от блеска начищенных доспехов в лучах утреннего солнца болели глаза, на центральной улице Шеана яблоку негде было упасть: весь город собрался, чтобы приветствовать вернувшегося с победой в двухлетней войне великолепного короля Эйриха Первого.

Восседая во главе своих рыцарей на роскошном белом жеребце, в золочёных доспехах, он сиял улыбкой и, как позднее говорили очевидцы, легко мог затмить солнце. Позади него несли развевающиеся штандарты Стении, а дальше – связанные и порванные – штандарты врага.

– Эй-рих! Эй-рих, – скандировали сотни глоток, и он поднимал руку в приветственном жесте. Он имел все права на триумф. Сегодня по-настоящему окончилась изматывающая тяжёлая война.

Возле замка Шеан, главной королевской резиденции, процессия остановилась, и Эйрих, не дожидаясь, пока ему придержат стремя, лёгким движением гибкого юноши соскочил на землю, вызвав в толпе ещё одну волну восторженных воплей. Люди любили своего короля. Король был смел. Король был ловок. Король был красив. Король был благороден. Король победил.

Собравшиеся старались не упустить ни одного его жеста, ни одного поворота головы, и смотрели на него во все глаза.

На человека, который спешился вторым, старался не смотреть никто.

В отличие от короля, второму рыцарю потребовалась помощь пажа, чтобы слезть с седла. Встав на землю, он как будто неловко качнулся и согнул спину в странной кривой пародии на полупоклон, но не разогнулся, а остался стоять так, ожидая, пока король первым направится под своды старого шеанского замка, а потом ломаной походкой, припадая на одну ногу и не разгибая спины, заковылял следом, и только когда он вошёл в замок, прочие рыцари и командиры начали спешиваться.

Хромой и кособокий рыцарь был братом короля.

– Проклятье, – сказал он, следуя за королём в покои возле тронного зала, где можно было отдохнуть перед церемонией приветствия двора. – От запаха роз меня тянет блевать.

Эйрих снял шлем, положил его на небольшой, почти игрушечный резной столик и махнул рукой, веля слугам снять с него доспехи. И только после этого, разместившись на деревянном троне с бархатными подушками, ответил:

– Хочешь сказать, что тухлятина, кровь и болотная вода пахнут лучше?

– В сотни раз, – серьёзно ответил его брат и тоже показал слугам, чтобы те помогли ему раздеться.

Когда с него сняли шлем и доспехи, стало видно, что спина его сильно искривлена. Левое плечо было существенно больше правого и тянуло к земле. В противовес этому правая нога была на три или четыре пальца длиннее левой, из-за чего его походка и была неровной.

– Ты привыкнешь, – сказал король, когда брат сел недалеко от него на табурет и ещё сильнее согнул спину. Тогда когда слуги покинули комнату, тот хмыкнул:

– Привыкну, как же, – хмыкнул тот. – Слушай, Эйрих, если ты меня хоть немного любишь... Отпусти отсюда. Пошли хоть на север, в гарнизон. За горами всегда неспокойно. Я буду рад.

Эйрих устало потёр глаза и сказал:

– Торден, ты ведь знаешь, что дело не только в моей любви к тебе.

– Ты – вернувшийся с победой король, народ носит тебя на руках, эти лордики готовы землю, по которой ты ходишь, целовать, – принц Торден, милорд Дойл, хлопнул себя по

колену, – от меня тебе не будет никакого прока. Только вред. Подожди, сейчас они радуются, а завтра снова начнут свою мышиную возню.

– Я знаю, – произнёс король. – Только ты думаешь не о той возне, о которой нужно. Да, будут опять доносы на тебя, будет клевета. Но не только это. За время моего отсутствия они расслабились, расхрабрились. Я боюсь... – он осёкся и осторожно оглянулся, впрочем, не увидев никого и ничего, – заговоров. Они отвыкли подчиняться. Торден, будь это возможно, я отпустил бы тебя на все четыре стороны. Но ты мне нужен здесь. Я... – он выдохнул, – я не справлюсь с этим один.

Дойл поднял на брата глаза, и стало заметно, что в качестве небольшого извинения за уродливую фигуру природа одарила его приятными, хотя и резковатыми чертами лица.

– Что я могу? – спросил он. – Я воин, командир, если хочешь, а не придворный.

– Ты мне предан. Это ценнее всего.

Дойл махнул рукой и отвернулся: он мало надеялся на успех своей просьбы.

## Глава 1

Пять лет спустя

Девушка была прелестна, как, – нет, он никогда бы не опустился до пошлого сравнения с лепестком розы, – как только может быть прелестна юная аристократка лет шестнадцати, с белоснежной кожей, боящейся даже холодного солнечного луча, с припухлыми розовыми губами, чуть приоткрытыми от волнения и оттого манящими, с широко распахнутыми глазами, в которых блестели не пролитые ещё слезинки. Её нежное личико обрамляли густые, заплетённые в тяжёлые косы чёрные волосы, едва прикрытые мягким капюшоном накидки из дорогого зианского льна. Затаив дыхание, девушка не отрываясь смотрела на то, как в десятке локтей внизу от неё двое мужчин пытались лишить друг друга жизни. Маленькие, затянутые в кружево пальчики мяли белый платок.

– Она очаровательна, – не то себе, не то окружающим сказал милорд Ойстер, шумно сглотнув. Сидящие рядом с ним лорды понимающе переглянулись: не оценить это сокровище было невозможно.

– Подыскиваете жену или любовницу? – негромко спросил милорд Дойл. Ойстер моментально побледнел и заискивающе улыбнулся:

– Что вы, милорд! Просто эстетствую.

Дойл скривился и снова перевёл взгляд на девушку. Пожалуй, она всё-таки была достойна сравнения с цветком, только не с розой, а с лилией: такая свежая, юная, распахнувшая миру свои лепестки, она увянет, едва твёрдая рука сорвет её. Умирая, она ещё будет дарить убийце свою красоту и нежный аромат, но вскоре поблётнет, завянет и будет выброшена.

Дойл втянул носом воздух и отвернулся. Кто-то сорвёт нежный цветок, но не он сам. Конечно, пойдя на поводу у желания, он мог бы её получить, насладиться ею, как дорогим вином, а после забыть. Но в этот раз он не станет этого делать.

По трибунам прокатился испуганный вскрик: с глухим лязгающим звуком один из рыцарей пронзил второго, раздался хриплый кашель, и проигравший рухнул, заливая песок тёмной кровью. Победитель вскинул вверх руку с зажатым в ней мечом, и вслед за вздохом скорби раздалось радостное восклицание. О мёртвом уже забыли – теперь воздавали почести живому.

«Вот так и я, – лениво, почти сонно подумал Дойл, лишь по привычке и из упрямства держа голову прямо и игнорируя тупую боль в спине и левом плече, – встречал приветствия, пока был нужен, а теперь забыт».

Он еле заметно улыбнулся: конечно, в этой мысли было много от ребяческой рисовки. Он не был забыт, отнюдь. Всюду перед ним гнули спину, с его приближением везде стихали разговоры, его взгляд карал и миловал. Пожалуй, даже венчай его чело корона, он и тогда встречал бы повсюду меньше уважения, или, скорее, подобострастной покорности, чем сейчас. Но заискивание придворных перед властным вельможей ничего не стоило в сравнении с любовью солдат к своему командиру. Да, пожалуй, этого Дойлу не хватало.

Снова затрубили горны, король поднялся со своего места и велел победителю приблизиться. Дойл отвернулся, сделав вид, что его ничуть не трогает всеобщий восторг, который вызывал потный рыцарь, с трудом стащивший с головы шлем. Эйрих запретил брату участвовать в турнирах категорически, но иногда Дойл жалел о том, что согласился на запрет.

Когда восторги улеглись, а почести были возданы, король направился обратно в замок: на сегодня состязания закончились, можно было покинуть трибуны, укрыться от неожиданно жаркого для конца лета солнца и от людских глаз. Придворные милорды расступились, позволяя Дойлу подойти к венценосному брату.

– Великолепный турнир, как вы считаете, милорд Дойл? – с улыбкой спросил король.

– Они сделали пару сносных выпадов, но бедный Грейм скончался скорее от скуки, нежели от искусного удара Талбота, – ответил Дойл.

Король улынулся, а следовавшая за ним свита захихикала.

– Вы остры на язык, брат, как и всегда. Впрочем, за это мы вас и любим.

– Весьма благодарен за вашу оценку, мой король. Возможно, мне стоит обзавестись шутовским нарядом, раз мои остроты так вам угодны? – Дойл недовольно поджал губы, хотя и не чувствовал себя обиженным на самом деле.

Король вздохнул и возвёл глаза к небу, после чего мягко заметил:

– Вы обидчивы, как древние боги. Не таите на меня зла за неудачный намёк.

– В моём сердце не может зародиться обиды на Ваше Величество. Моё сердце принадлежит вам, – Дойл обозначил поклон, преодолевая всё возрастающую боль в спине.

– Мы знаем, брат, – Эйрих улынулся одними губами, глаза же выражали тревогу. Он чуть приподнял бровь, явно желая узнать, всё ли в порядке. Дойл качнул головой, показывая, что рад был бы удалиться. Эйрих понял его и объявил: – Ступайте же, отдохните от дел.

Несмотря на требования этикета, Дойл не стал кланяться снова и неспешно зашагал по широкому коридору старого замка. Каждый шаг его отдавался гулким эхом. Никто из придворных не рискнул составить ему компанию или проводить его: приближённые короля знали, что, когда милорд Дойл не в настроении, не стоит попадаться ему на пути, иначе можно лишиться не только титула, но и головы.

В своих покоях Дойл первым делом сбросил проклятый колет, словно нарочно сшитый так, чтобы причинять ему как можно больше мучений, отстегнул меч и наконец вздохнул, падая на широкую пышную постель. Было бы здорово ещё снять сапоги, но Дойл не готов был сейчас этого делать.

Мать-природа и Всевышний, создавая двух братьев – королевских отпрысков, – пошутили изрядно. Старшему достались стать, красота и удивительно мягкий нрав, более подходящий легендарным рыцарям, нежели живым людям. Младший же получил уродство, несоразмерной длины ноги, горб, сводивший левую руку вечной судорогой, а к ним – подозрительность, злой, ядовитый язык и угрюмость.

Завидовал ли Дойл брату? Ему было пять, когда он впервые задался этим вопросом и понял, что да, завидует отчаянно, до глухих рыданий в подушку, до тупой боли под рёбрами, до красной пелены в глазах. Он тогда пообещал себе, что отберёт у Эйриха корону во что бы то ни стало и эта корона станет маленькой компенсацией за несправедливость мира. Но всё осталось в прошлом.

Эйрих был прекрасным королём, народ благословлял его и готов был целовать землю, которой коснулась ступня монарха. А Дойл охранял королевский покой – и знал, что так будет всегда.

Пока шла война, Дойл чувствовал себя живым как никогда. Каждый миг его жизни был ценен и важен. Он с одинаковой ловкостью шёл в атаку, удерживая повод коня увечной рукой и разя врагов здоровой, и под покровом ночи отсыпал золото предателям из вражеской армии, покупая победу жёлтой, а не алой кровью.

В мирное же время ему словно не было места. Разряженные в пух и прах лорды из королевской свиты сторонились хромого сгорбленного принца, боясь одинаково и его гнева, и его благоволения. Их дочери готовы были упасть в обморок от одного его вида. Их сыновья меж собой шептались о том, как он продал свою душу злым силам.

Скрипнула дверь, и в покои проскользнул Джил – жалкая замена нормальному слуге, криворукий, но преданный, как спасённый щенок. Дойлу он был обязан всем, не только своей жалкой шкуркой, но и счастьем семьи, честью сестры и сохранностью дома. Так что за Дойла он был готов на всё, и уж конечно, его не удалось бы подкупить или запугать, чтобы он заколол во сне могущественного милорда. Дойл отнюдь не страдал манией преследования, но на

его жизнь покушались с завидным постоянством, и потому преданного слугу он предпочитал расторопному.

Правда, раньше такой выбор делать было не нужно – пока был жив старый Джерри. Он раздражал невероятно, у него изо рта вечно несло прогорклым салом и гнилым луком, он шаркал ногами и настолько фальшиво насвистывал «Хромую кобылу Сэй», что временами Дойл готов был залить ему глотку горячим воском, лишь бы он заткнулся.

Но Джерри знал привычки господина, чувствовал его настроение и как-то одинаково легко умирал гнев его души и страдания его тела. Бывало, начнёт одевать его, как будто бы случайно придавит что-то на шее, поднажмёт на вывернутую насмешницей-природой лопатку, и вечная боль утихнет. Как-то Дойл, будучи в хорошем настроении, заметил:

– Ведь подколдовываешь ты, старик. Отправлю на костёр за твои фокусы!

Джерри рассмеялся в усы:

– Воля ваша на то, милорд, да только никакого колдовства не знаю. А хотите – отправляйте, может, хоть перед смертью косточки прогрею как следует.

Конечно, никуда Дойл его не отправил. Он не сомневался, что старик ещё его переживёт и будет обряжать его тело в последний путь, – а не сложилось. Бедняга умер в один миг, словно злая Смерть скосила его своим серпом: прислуживал на пиру, подливал Дойлу в кубок вина – вдруг всхлипнул, схватился за грудь и рухнул лицом на господский стол. Начался переполох, прочие слуги забегали, унесли его куда-то. Дойл тогда только отхлебнул из так и не заполненного до краёв кубка и сказал брату:

– Поганец, едва аппетит мне не испортил. Не мог где-нибудь ещё умереть?

Сидящие рядом милорды загоготали, показывая, что оценили шутку, король покачал головой, нахмурился и сказал:

– Стыдитесь, брат: вы говорите о кончине вашего верного слуги. Да покоится его тело с миром, а душа пусть встретит добрый приём в садах Всевышнего.

На том разговор о смерти закончился.

А Дойл уже потом, много часов спустя прошёл в лакейскую, где на столе лежал омытый и облачённый в праздничный наряд Джерри – оказывается, невысокий, сухонький, с виду очень лёгкий и какой-то непривычно белый. Постоял над ним несколько минут, ругая себя за сентиментальность и бабскую мягкотелость, сжал окоченевшие пальцы и вышел прочь. И на следующий день взял в услужение этого дуралея.

– Мальчишка, хватит уже греметь там! – рявкнул он, и Джил подпрыгнул на месте, роняя на пол старый шлем. Залепетал:

– Простите, милорд.

Дойл сел на постели, а потом и поднялся на ноги: в самом деле, отдых полагается монаршим особам, а у него хватит дел и помимо любования рыцарскими доблестями и женскими прелестями.

– Подай костюм потемней и плащ, – велел он и, облачившись, закрыл голову капюшоном и направился на встречу с тем, кому никто из прочих дворян не подал бы даже руки для поцелуя.

Дойл был небрезглив. Он ради дела готов был беседовать с отребьем, бандитами и всевозможным сбродом. А дело того стоило: никто лучше них не знал, чем живёт страна, как она дышит, не появилось ли где на её теле мерзостных нарывов измены или бунта.

Для встречи с людьми подобного сорта у Дойла было специальное место – в доках у реки, позади королевских складов. Там всегда пахло илом, тухнувшей рыбой и мокрым песком, а иногда – кровью.

– Высокий лорд, – поприветствовал его одноглазый мужчина по прозвищу Шило – бродяга, вор и безжалостный убийца, способный воткнуть шило в сердце хоть вельможе, хоть ребёнку, хоть девушке.

Дойл протянул ему руку, которую тот облобызал с величайшей почтительностью, и велел:  
– Говори.

Шило распрямылся и сообщил:

– Вчера снова был шабаш, в Дохлой роше.

Дойл не шевельнулся, и Шило продолжил:

– Уже третий – и это только на моей стороне. Барон и Одноухий давеча шептались – на их сторонах колдунишки тоже завозились.

Король с тех пор, как закончилась война, стал непозволительно мягок: без колебаний отпускал на свободу осуждённых, дарил жизнь приговорённым к смерти. И если обычных преступников пока держал твёрдой рукой сам Дойл, людям которого были известны их самые тайные укрытия и самые надёжные схроны, то колдуны и ведьмы осмелели.

Уже не раз до чуткого слуха Дойла долетали шепотки: тот с помощью ведьмы вылечил жену, этому колдун помог отправить в иной мир старого дядю. Не таясь и не опасаясь преследования, они предлагали свои мерзкие, противные Всевышнему и природе услуги, и Дойл был уверен: они надеются сжать свои цепкие пальцы на горле королевства, опутать его своими сетями, завладеть душами и умами людей и диктовать свою волю.

Магия была полезна, спору нет. Но маги были слишком сильны. Стоит дать им волю – и на троне появится новый король, который вместо скипетра будет держать волшебный посох. Столетия назад это почти произошло – потакание магии и ведьмовству стоило королю Рагнору жизни. Дойл не желал, чтобы таким же образом погиб король Эйрих.

И вот теперь Шило и ему подобные стали замечать шабаши, хотя до старых праздников было ещё далеко.

Дойл протянул вору мешочек с монетами сказал:

– Присмотрись, прислушайся. Я хочу знать, что им нужно возле столицы. И мне нужны их имена, лица.

Шило прижал мешочек к груди и низко поклонился, а потом растаял в темноте, словно обладал навыками монахов из храма теней. Дойл направился обратно в замок.

Он был настолько погружён в свои мысли, что в длинной галерее едва не столкнулся с той самой прелестной девушкой, которой любовался во время турнира. Она отпрыгнула в сторону и издала тоненькое: «Ой». Дойл невольно улыбнулся: вблизи девушка была ещё милей, у неё на щеках обнаружили дивные ямочки, а глаза оказались насыщенного голубого цвета, сравнимого с цветом неба в летний день.

– Неожиданно встретить столь юное создание в одиночестве, – сказал он негромко, отчётливо понимая, что весь последующий разговор может вообразить себе весьма чётко. И оказался прав.

Девушка порозовела и пролепетала:

– Простите, милорд, я отстала от своих родных, чтобы увидеть короля, но совсем потерялась в этих коридорах.

– Короля, вот как? Это интересно. Вы что же, желаете просить его о чём-то?

– Верно, милорд.

– Король щедро даёт обещания, и скупое – милости, но, пожалуй, ваша несравненная красота сослужит вам неплохую службу, – заметил он с ноткой язвительности в тоне.

Щёки девушки стали ещё розовой от смущения.

– Милорд, я пришла просить не милости, а справедливости!

Дойл бестрепетной рукой дотронулся до тонких пальчиков девушки и произнёс:

– Что ж, нимфа, – он покатал на языке это слово из старых легенд, – справедливость для короля – это главное, творить её – высшая его цель, поэтому я считаю своим долгом проводить вас к нему.

Девушка попыталась отнять руку, но безуспешно – Дойл держал её крепко, почти наслаждаясь тем, с каким отвращением этот цветок переносит его даже невинное прикосновение. Проклятье, он всякий раз убеждал себя, что привык к отвращению в женских глазах, и всякий раз оно причиняло ему боль, как удар кинжалом.

– Благодарю, милорд, – наконец, сказала она, поняв, что будет вынуждена идти по замку, держась за руку Дойла. Впрочем, он всё же пошёл ей навстречу и выпустил её пальцы, взамен предложив опереться на свой локоть.

– Так как же вас зовут, искательница справедливости? – спросил он, когда она сумела подстроить свои маленькие шаги к его неровному ходу.

– Майла Дрог, я дочь лорда Дрога.

Дойл знал его – один из тех, кто вечно обивал пороги замка, кормился с королевского стола и из всех достоинств обладал только неплохим чувством юмора, достаточным для того, чтобы не раздражать короля. Удивительно, что у эдакого бездельника выросла столь очаровательная дочь.

– Лорд Дрог – верный подданный Его Величества, – сказал Дойл вслух, – не думаю, что король откажется выслушать его дочь.

Они подошли к дверям малого тронного зала, где находился сейчас король, и Дойл, чуть наклонив голову, добавил:

– Вот мы и на месте. Идите, просите справедливости, нимфа, а главное, – не обращая внимания на охрану у дверей, он взял пальцами девушку за подбородок, невзирая на её дрожь и жалкие попытки сопротивления, притянул к себе и прошептал: – Будьте благоразумны и не ходите одна по незнакомым местам, – после чего коротко властно поцеловал в губы и отпустил.

Майла отпрыгнула от него, словно ужаленная змеёй.

– Милорд! – воскликнула она в ужасе. – Милорд, я было сочла вас благородным человеком!

Дойл горько рассмеялся:

– Для меня это было бы тяжким оскорблением. Идите же к королю. Пропустить, – приказал он, и стражник открыл перед напуганной девушкой тяжёлую дверь.

Майла вошла внутрь, а Дойл развернулся и коснулся пальцами губ, ещё чувствовавших сладость поцелуя, на который он не имел права. Ужас в глазах нежной, милой девушки лучше любого зеркала отражал его уродство и поворачивал нож в слишком старой ране, а потому ему стоило занять себя более подходящими делами, чем светская беседа.

## Глава 2

Прошло несколько дней, и за это время настроение Дойла решительно испортилось. Ему удалось предотвратить весьма бездарно составленный заговор, во главе которого стояла бывшая обиженная любовница короля, вознамерившаяся отравить королеву.

Королеву Дойл не любил, но надеялся, что она родит сына и наследника престола – смерть белобрысой суки значила бы, как минимум, годичный траур, а затем – непомерные расходы на свадьбу, причём без гарантий, что новая королева будет хоть немного выносимей этой.

Так что зачинщицу заговора и её помощников – двух постельничих – он отправил на плаху, не ставя брата в известность. Эйрих бы только лишний раз расстроился, подивился бы злобе человеческой природы и, возможно, даже захотел бы помиловать «оступившуюся бедняжку». Нет уж, спасибо, практика показывает, что самый безопасный враг – это обезглавленный враг.

Между тем, раскрытие заговора на некоторое время отвлекло его от куда более важного вопроса – поиска и устранения ведьм, тем более, что их становилось всё больше. Как мухи на кучу навоза, они слетались в столицу. К сожалению, поймать удавалось только самых бездарных – беззубых полоумных старух и наивных пятнадцатилетних девчонок, которые не знали ни одного стоящего имени, а из всего колдовства могли разве что свечки взглядом зажигать. Но и их признаний хватало, чтобы встревожиться не на шутку: они хором твердили о своей королеве.

Шило и ему подобные подтверждали: в кабаках, притонах и на площадях всё чаще болтали о приходе истинной королевы, ведьмы, которая дарует Стении благо.

Дойл был бы рад счесть эти разговоры обычными бабьими сплетнями, но не мог себе этого позволить. Лучше было быть настороже, поставить вверх дном пол-Шеана, а если нужно, то и всю Стению, чем упустить действительно сильную ведьму. Тем более что было неизвестно, как она выглядит, под какой личиной скрывается и чего хочет. Ясно было только одно: за триста лет ни власть, ни церковь Всевышнего не сумели вытравить эту дрянь из страны.

Впрочем, чего хочет ведьма, Дойл знал: власти. Во все времена и во всех странах ведьмы желали заполучить власть, чтобы открыто, не таясь творить свою магию. А значит, Эйрих был в опасности – снова.

Если бы речь шла о врагах, подкрадывающихся к королю с мечом, с отравленным вином, со злодейскими планами измены, Дойл бы не переживал. Он умел справляться с тем, что касалось интриг и войн. Но магия была за пределами его возможностей. Злые языки не раз называли его колдуном, продавшим душу силам зла, но он не владел и искрой магии – а если верить древним трактатам, то и не мог владеть, поскольку этой проклятой силой обладали только женщины. Зато он точно знал, что против волшебства сталь бывает бессильна.

Состоялся последний в этом году турнир, и тем же вечером начиналась целая череда пиров и приёмов: король праздновал конец удачного, благополучного, благословенного года с размахом.

– Милорд, – полузадушенным шёпотом сказал Джил сзади, отвлекая Дойла от его мыслей, – вам пора одеваться на пир.

Он обернулся так резко, что мальчишка с испугом отпрыгнул назад, врезавшись спиной в столбик кровати. Дойл вздохнул и сказал мягче, чем собирался:

– Так подавай костюм.

Джил закивал и бросился собирать наряд. Дойл не стал дожидаться его неуклюжей помощи и оделся сам, только вот сапоги надевал мальчишка: как Дойл бы ни старался, он не сумел бы дотянуться до своих ступней и обуться.

Зеркала у Дойла отродясь не было, но он и без него знал, что парадный костюм сидит на нём куда хуже, чем доспехи: королевский кузнец знал своё дело и ковал броню точно по фигуре Дойла, чтобы ничто в бою не мешало. А вот королевский портной, похоже, задался целью как следует его разозлить: каждый новый костюм был неудобней предыдущих и лучше предыдущих подчеркивал все изъяны своего владельца.

Почесав шею под жёстким воротничком, Дойл прошипел:

– В тюрьму брошу скотину.

На самом деле, конечно, не бросит: Эйрих обожал этого портного и сильно расстроился бы, окажись он в тюрьме.

– М-милорд! – раздалось сзади.

– Чего ещё? – спросил Дойл.

– Милорд, позвольте поправить? Вам бы распороть здесь один шов на рукаве, чтобы было удобней.

Джил выглядел обыкновенно испуганным, но достаточно уверенным, так что Дойл кивнул: хуже однозначно не будет. Джил взял со стола небольшой кинжал и аккуратно, словно и правда знал, что делает, подцепил какую-то нитку на камзоле, отложил кинжал и потянул ткань. Давление на вывернутую лопатку прошло. Дойл пошевелил здоровой рукой, чувствуя, что обретает привычную подвижность, и заметил:

– Похоже, ты не так бесполезен, как кажешься на первый взгляд.

Мальчишка просиял, а Дойл направился в пиршественный зал. Не обращая внимания на взгляды придворных, он занял место возле короля.

– Как самочувствие, брат? – тихо спросил Эйрих, пользуясь тем, что их пока никто не слышит, и откладывая в сторону формальности.

– Мечтаю прирезать твоего портного, – так же тихо ответил Дойл, – желательно публично, предварительно оскопив и сняв с него кожу, чтобы другим nepовадно было так надо мной издеваться.

– Бедняга не виноват, что по твоей фигуре не так-то просто сшить костюм, – ухмыльнулся король. Дойл кашлянул и заметил:

– А я не виноват, что его руки так кривы, что только палач их сумеет исправить.

Он, разумеется, не обижался на замечание брата: привык за эти годы. К тому же тот, в свою очередь, тоже многое прощал Дойлу.

– Присмотрись к девушкам, которых мне будут представлять сегодня, – сказал Эйрих. – Особенно к дочерям милордов Ойстера, Ранкофа и Хилля.

– В чём они подозреваются? – напрягся Дойл. Обычно это он просил короля присмотреться к кому-то, кто вызывал подозрения и мог быть опасен. Эйрих прикрыл кулаком рот, маскируя смех за кашлем:

– Хватит во всём видеть заговоры. Говоря «присмотрись», я имел в виду: «Задумайся, не хочешь ли взять в жёны одну из них».

Если бы Дойл в этот момент уже отпил вина, он наверняка подавился бы – так абсурдно звучала эта идея.

– И не смотри на меня так, – продолжил брат невозмутимо, – ты достаточно поездил по лесам, поспал на земле и пролил своей и чужой крови. Тебе нужен дом, что-нибудь получше комнат во дворце, куда ты приходишь только на ночь. И нужна хорошая жена. Наследник, в конце концов.

– Ты не объелся ли грибов, твоё величество? – буркнул Дойл. – Если эти девушки не угодили тебе – посади любую из них в крепость или отруби головы всем троим. Но меня в вечного их экзекутора превращать не надо.

– Жаль, что ты так думаешь – тебя не сложно полюбить, особенно если ты дашь себе труд немного придержать свой ядовитый язык. И я выбрал тебе самых красивых и самых богатых невест страны. Не нравятся они – возьми любую другую. Я беспокоюсь за тебя, Торден, и...

– Беспокойся о короне, стране и о зачатии собственного наследника, – прервал его Дойл. – Хочешь женить меня, чтобы породниться с кем-то из милордов – не проблема, но уговаривать меня поменять образ жизни и начать вдруг восторгаться цветочками и милыми мордашками не стоит.

Эйрих вздохнул и заметил:

– Тяжело с тобой бывает. Нет, меня не интересуют связи с милордами, по крайней мере сейчас. Так что если хочешь, можешь оставаться угрюмым холостяком и спать в холодной постели.

– Премного благодарен, мой слуга умеет готовить грелки, – сказал Дойл, а король взял в руки кубок и поднял его. Все разговоры затихли, все глаза тут же устремились на короля.

Тот начал обычную свою речь о светлом будущем. Эйрих был, надо признать, превосходным оратором. Он так проникновенно говорил о славных войнах, богатых урожаем полях и милостях Всевышнего, что Дойл почти заслушался. Почти, потому что с детских лет приобрёл к красноречию брата известную устойчивость. Так что едва Эйрих перешёл к поимённому перечислению благодетельных мужей страны, Дойл занялся более полезным делом: изучением гостей, особенно тех, кто сидел близко к королю. Потом подозвал стоящего у двери начальника замковой стражи Файнса и указал ему на милорда Хилля. На мгновение на лице верного вояки появилось недоумение, которое тут же сменилось осознанием своей оплошности.

Не привлекая лишнего внимания, Файнс приблизился к Хиллю и наклонился к нему. Содержания их разговора никому не было слышно, но внимательный глаз Дойла уловил несколько движений – милорд послушно отцепил от пояса и передал стражнику кинжал.

Ещё пять лет назад на королевском пиру было принято появляться со своим лучшим оружием: милорды и рыцари не только приходили на приём к королю, но ещё и хвастались друг перед другом вооружением. Для Дойла, ещё не слишком уверенно чувствующего себя в роли добровольного охранителя королевского спокойствия, каждый приём становился испытанием: глаза разбегались, а от необходимости следить за каждым ножом и мечом начинала зверски болеть голова.

Решение было очевидным: он, пользуясь королевской поддержкой, запретил приходиться ко двору вооружёнными. Нельзя сказать, что милорды встретили это нововведение с радостью, но Дойл считал, что готов терпеть их кислые лица, если это позволит ему уберечь короля от удара в спину, а себя – от лишних седых волос (лукавство, конечно: седых волос он в свои двадцать семь ещё не нажил).

Пока он следил за Файнсом и Хиллем, король закончил речь, и все подняли кубки. Дойл последовал общему примеру, пригубил вина, ещё раз оглядел гостей и несколько расслабился – по крайней мере, пока всё было спокойно, так что он сумел отдать должное весьма недурной дичи, после чего повернулся ко второму своему соседу по столу, хранителю королевской казны милорду Ранкофу, и произнёс:

– Чем вы меня порадуете?

Ранкоф отчётливо вздрогнул – как и остальные, он не любил слишком пристальное внимание младшего брата короля, – но ответил достойно:

– Тем, что вы были правы, когда изволили предложить поддержать купцов. С лета они принесли нам сумму, равную трети наших годовых доходов. Пока нельзя сказать, что казна восстановилась после войны, но мы однозначно сможем обойтись без налога на соль, который вызывал у вас такое недовольство.

Дойл кивнул и отвернулся. Читая исторические труды и хронику королевства, он заметил, что есть ряд товаров, ввод налога на которые неизбежно вызывает народные волнения,

поэтому сразу после войны задумался над тем, как ещё можно пополнить казну, не вводя поборов на соль. Они тогда здорово поспорили с Эйрихом на эту тему, но Дойл настоял на своём – и, похоже, не ошибся.

Между тем первая часть пира подошла к концу, слуги унесли блюда, и король поднялся и направился в соседнюю тронную залу – в этот вечер было запланировано представление королю нескольких отпрысков знатных родов, достигших пятнадцатилетнего возраста.

По обыкновению, Дойл расположился на стуле позади трона, вытянул больную ногу, облокотился на подлокотник и прикрыл глаза. Он не дремал, оставаясь по-прежнему настороже, но внимательно изучать этих подростков не слишком хотел. Он познакомится с теми из них, кто останется при дворе, позднее и значительно ближе.

Наблюдая сквозь ресницы, он оценил безусловную красоту девиц Ойстер, Ранкоф и Хилль, которых ему сватал брат, однако отметил, что робкая Майла Дрог значительно их превосходит. Он дотронулся пальцами до губ, припоминая её нежный сладкий вкус. Наверное, приятно было бы целовать её каждый день, обладать её телом и владеть её помыслами. Дойл чуть улыбнулся. Разумеется, он не собирался брать её в жены, тем более что её помыслами ему владеть уж точно не дано, но иногда помечтать было приятно.

Она отошла в сторону, и Дойл отвёл от неё взгляд. По очереди колени перед королём начали преклонять юноши – в этом году для своих целей Дойл не заметил ни одного: на лицах явственно читались героизм, отвага и фатальная неспособность шевелить мозгами.

Последней к королевскому трону приблизилась женщина, которой можно было бы дать около двадцати пяти. Её голову покрывал вдовий головной убор, но Дойл заметил, что он скрывает тяжёлые косы примечательного медного цвета. Её представили как леди Харроу, вдову лорда Харроу. Она мягко согнулась в реверансе и склонила голову, как будто не только из почтения, но и под тяжестью волос.

– Рад, что всё-таки вижу вас при дворе, леди Харроу, – произнёс король. – Сочувствую вашей утрате. И рад, что ваш опекун наконец-то позволил вам прибыть ко двору.

– Благодарю вас, Ваше Величество, – ответила леди.

У неё оказался низкий голос, и Дойл невольно почувствовал, как по коже прошли мурашки. Похоже, ему пора было перестать изводить себя и послать за какой-нибудь девкой: в последние дни мысли о плотских наслаждениях слишком сильно стали его занимать. Сначала Майла, теперь эта леди Харроу – сколько можно, в конце концов?

Леди Харроу отошла в сторону, и Дойл проводил её взглядом. На её фоне даже божественно красивая Майла терялась и казалась простушкой. Черты лица леди Харроу были не слишком привлекательными, её глаза были слишком сильно удлинёнными к вискам и раскосыми, нос – излишне хищным, с глубокими тенями у крыльев, губы – тонковатыми, брови – широкими. А кожа, обильно усыпанная веснушками, и вовсе никуда не годилась. Но это не мешало леди Харроу быть воистину очаровательной женщиной. Каждый её жест был естественным и при этом грациозным, в ней не было ни нелепой простоты, ни отвратительного кокетства. От взгляда на неё начинала кружиться голова, а чресла наливались тяжестью.

Когда церемония закончилась, король и весь двор вернулись в пиршественный зал, где слуги уже расставили новые блюда. Леди Харроу, как и остальных, только что представленных ко двору, посадили на дальний край стола, но Дойл со своего места отлично видел её, следил за тем, как шевелятся её губы, когда она кому-то отвечает, за тем, как она вонзает ровные белые зубы в мясо, как изящно орудует ножом и каким-то необычным прибором, позволяющим сохранять руки чистыми. В свете факелов рассмотреть предмет было невозможно, но Дойл предположил, что это второй нож или некое подобие небольшого трезубца. Он сделал ещё глоток вина и вдруг замер, поражённый неприятной догадкой.

Едва услышав про могущественную ведьму, которую называли королевой, Дойл решил, что её цель – так или иначе подобраться к государю, возможно, пленить, убить или околдовать

его. Он готовился искать её по всему Шеану, но совсем не подумал о том, что ей хватит смелости и безумия явиться в замок.

Вдова лорда Харроу – отличное прикрытие: лорд вёл уединённую жизнь в своём имении и не бывал при дворе, никогда не представлял королю молодую жену. После его смерти она несколько лет сидела в замке и вдруг появилась здесь. Совпадение ли, что приезд этой необычной, яркой женщины совпал с приездом ведьмы?

Дойл скрипнул зубами от досады на собственную слепоту. Всё в ней выдавало ведьму: и эти медные волосы, и слишком изящные движения, и невозможная (наверняка магическая!) привлекательность при общей неправильности черт, и даже этот прибор в руке!

Он снова посмотрел на неё и задумался о том, как поступить. Схватить сразу – опасно. Даже под пытками нельзя будет выяснить, верны ли его предположения, и, если она сознается в преступлениях и колдовстве, он не сможет быть точно уверен в правдивости её слов. Ждать, пока она проявит себя? Но это значит подвергнуть короля опасности. С другой стороны, желай она просто убить короля, она бы уже использовала магию, и Дойл ничего не успел бы сделать, разве что закрыть брата своим телом. Но она не напала, значит, будет чего-то ждать. Ночи? Едва ли: даже провинциалка должна понимать, что короля ночью стерегут не хуже, чем днём. Если допустить, что ей нужно не убить, а околдовать короля, то она будет искать с ним встреч. Нужно следить за каждым её шагом, не выпускать из виду и успеть схватить после того, как она проявит свои магические способности, и до того, как король окажется в её власти.

Дойл отвёл взгляд от ведьмы и отставил подальше кубок с вином: ему понадобится трезвая голова – достаточно того, что его пьянит подозреваемая.

## Глава 3

Окончания празднований в замке Дойл не застал: неприятные новости с северной границы вынудили его оставить наблюдение за колдуньей своим людям и немедленно отбыть к дальним постам. Угроза с её стороны была пока только предполагаемой, а бунтовщиков с севера нужно было осадить, причём максимально жёстко.

– Этого следовало ожидать, – произнёс Эйрих, когда Дойл сообщил ему о вспышках бунта. – Они поверили в то, что мы расслабились, – и нанесли удар.

– Им не придётся долго радоваться своей предусмотрительности, – ответил Дойл. – Я сам возглавлю отряды. Не стоит давать людям повод думать, будто кучка взбесившихся лордов может заставить короля изменить свои планы.

Эйрих нахмурился и потёр лицо.

– Ты считаешь, это разумно? Продолжать праздник?

– Это необходимо, – сказал Дойл. – Ты – король и абсолютный властелин своих земель. Ты не боишься жалких лордов, забывших свой долг.

Эйрих слегка улыбнулся:

– Как обычно, считаешь на два шага вперёд?

Дойл согласно кивнул, поднялся со своего места и произнёс:

– Не думаю, что моё отсутствие на пиру сильно расстроит милордов. Скорее уж они устроят отдельный праздник в честь моего отъезда.

– Ты преувеличиваешь. Они уважают тебя, хотя, будь твой характер немного мягче, им было бы легче это показывать.

Дойл усмехнулся: во что он не верил, так это в добрые чувства милордов – он был им хуже кости в горле. Но королю об этом говорить не стал: во-первых, это ничего бы не изменило, а во-вторых, тот и так был хорошо осведомлён об истинном положении дел.

– Я оставлю Рика и его людей в замке, – сказал Дойл, меняя тему. – И настоятельно прошу временно заменить хотя бы половину своих гвардейцев теми, кого он выберет.

Эйрих поморщился, что неудивительно: Рика он не слишком любил, но согласился со словами:

– Только ради тебя.

Рик, святейший отец Рикон, не был тем, кого желал бы видеть у своей постели умирающий. Вечно облачённый в сутану из грубой тёмно-серой ткани, капюшон которой закрывал половину его лица, он напоминал святого мученика-отшельника, но только издали. В его шелестящем, почти беззвучном голосе не было и капли кротости и смирения, а его пылающие огнём глаза как будто впитали в себя отсветы множества костров, на которых горели ведьмы и колдуны. И своим поприщем, своим служением отец Рикон избрал не монастырь и обращение язычников на отдалённых землях, а политику.

Будучи старше Дойла на десять, а может, и на пятнадцать лет, он покорно принимал роль его тени, и, как настоящая тень, всюду следовал за хозяином, мало говорил и был практически незаметен. По крайней мере, до тех пор, пока Дойлу не требовались его таланты. Он долго отсутствовал: по приказу Дойла занимался проверкой постов на юге, но теперь вернулся. Ему можно было доверить безопасность короля.

Эйрих не переносил Рика – невзлюбил с первой же встречи, с первого взгляда, насколько помнил Дойл. Но Рикон в своё время сделал слишком много и для самого Эйриха, и для его отца, теперь же Дойл едва ли мог бы найти, кем заменить его на невидимом, но очень важном посту.

– Спасибо, – сказал Дойл королю. – Тогда я смогу быть спокоен. Итак, брат, можешь пожелать мне удачи.

– Удачи. Всевышний с тобой, – произнёс Эйрих, и Дойл, обозначив поклон, покинул его комнату. В коридоре его уже поджидал Рик, по обыкновению завёрнутый целиком в свою сутану и сливающийся с серым камнем стен.

– Милорд сейчас свободны? – прошелестел он.

Дойл кивнул и заковылял в сторону своих покоев. Он хорошо знал систему прослушивающих отверстий во всех гостиных и приёмных залах, поэтому старался не вести в них разговоры, не предназначенные для чужих ушей.

Шуганув слугу, чтобы не подслушивал, Дойл расположился на стуле с широкой спинкой и жестом предложил сесть. Рик откинул капюшон и повиновался.

Его лицо обычно мало кто мог разглядеть, и на то были определённые причины: оно было слишком худое, как будто измождённое, с глубоко проваленными в глазницах глазами и почти бескровными узкими губами. Но прятаться от Дойла ему не было нужды.

– За юг милорд может быть спокоен, – сказал он. – Лорды искренне верят во власть Его Величества и будут сражаться за него в случае опасности.

– Зато север кипит недовольством, – произнёс Дойл. – Король пока об этом не знает, но там возник слух о его незаконнорождённости. Бастард не может носить корону, а значит, её надо передать более достойному претенденту.

– И этот претендент, полагаю, отнюдь не наш милорд, – оскалился Рик. У него была собственная, только ему одному присущая манера обращаться к Дойлу словно бы отстранённо, как к третьему лицу.

– Разумеется. Я ведь вовсе и не королевский сын, а отродье дьявола, как тебе известно.

– Кто бы мог сомневаться. И кого же лорды считают достойным носить корону?

– Мальчишку Риверса, – ответил Дойл. – И дело, как ты понимаешь, не в его весьма сомнительных правах: наше родство слишком дальнее, – а в том, что он вырос на севере и полностью доверяет своему дяде Гаю.

– Грубовато, – заметил Рик. – Но действительно. Северянин на троне – эта идея воспламенит даже самых праздных и погрязших в лени и распутстве.

Дойл побарабанил пальцами по колену и сказал:

– Они меня мало волнуют. Я повешу парочку самых громкоголосых, сниму голову с дяди Гая и заберу Риверса во дворец, если не будет дёргаться и мешаться.

– В таком случае, что заставляет милорда хмурить чело? – мягко спросил Рик.

– Ведьмы.

– Ведьмы? – уточнил он. – Разве наши законы недостаточно точно определяют меру наказания за колдовство? И разве закончился хворост в стенийских лесах, что нам не из чего сложить костры?

Дойл продолжил выстукивать ритм походного марша, а потом резко отдёргнул руку и сжал её в кулак.

– Эйрих помиловал за последний год трёх ведьм, хотя их владение магией было доказано. Ты знаешь... – он не договорил, но Рикон, конечно, понял его. Они оба знали, что Эйрих не признавал ударов на опережение и карал только тех, кто совершал преступления. Причём мелочи вроде призыва огня или изгнания крыс магией серьёзными проступками не считал. – Так что эта гидра подняла головы и начинает громко шипеть.

– В чём беда? Нужно просто срубить головы...

– Рубя мелкие головы, нельзя пропустить главную, ядовитую, – ответил Дойл и рассказал о том, что узнал от Шила, но подозрения о леди Харроу оставил при себе. Будет лучше, если Рик приступит к своему расследованию без предубеждений и составит мнение самостоятельно.

– Я буду беречь короля, – сказал Рик вместо того, чтобы как-то комментировать услышанное. – Хотя милорду известно моё скромное мнение.

– И, кажется, милорд запретил тебе его высказывать, – оборвал его Дойл. Он не желал ничего слушать о том, что мог бы превзойти брата на ниве управления страной. – И учти, за жизнь короля отвечаешь лично. Если с ним что-то случится, я сочту, что ты ослушался моих приказов и пошёл на измену.

Рик недовольно блеснул глазами, но опустил голову и сказал:

– Я верен милорду и никогда не нарушу его приказов.

На этом они и расстались, и уже на следующее утро Дойл во главе постоянно готового к выступлению в поход личного войска Эйриха покинул замок и направился на север. Впереди него мчались гонцы к наиболее надёжным милордам, полностью верным короне, с приказом присоединиться к королевской армии. Из замка выезжало не более пятисот всадников, а к первому горному перевалу подобралось уже более трёх тысяч.

Хотя Дойл хорошо справлялся с замковыми интригами и борьбой с преступностью в столице, значительно больше ему нравилась походная воинская жизнь. Сидя верхом, он мало чем отличался от здоровых людей с обеими рабочими руками и одинаковой длины ногами. Он был одним из лучших конных воинов страны, что не раз доказывал как на турнирах, так и в боях. К тому же, простым солдатам было не слишком важно его уродство: они любили его за здоровую осторожность, сочетающуюся с решимостью, и с радостью следовали за ним в атаку. Вечерами же, на привалах, Дойл не без удовольствия покидал шатёр главнокомандующего, закончив отдавать указания, и присоединялся к людям возле одного из костров.

Горный перевал преодолели легко: лето было в самом разгаре, и ледники подтаяли, открывая удобные проходы к богатому и своевольному краю. Север был лакомым куском, его густые, полные дичи леса и полноводные реки гарантировали бы стабильность и защищали бы от голода все прочие земли, если бы только лорды полностью покорились королю. Но они слишком ценили свою независимость. Дойл мог бы их понять как владелец земель, но как брат короля он желал только одного: их полной покорности. Покой на севере значил благополучие всей страны.

О приближении войск Дойла северные лорды, разумеется, уже знали – разведка сообщила, что они стягивают силы к правому берегу реки Гант. В случае неудачи северяне смогли бы легко отступить на левый берег, обрушив за собой мосты и переправы.

Дойл выслушал это донесение совершенно спокойно, хотя внутри клокотал от злобы. Бой на побережье был для него худшим вариантом: переправиться на другой берег без мостов будет непросто, значит, противник получит лишнее время для манёвров.

– Милорд, – произнёс Эск, один из лордов, допущенных на совет в шатре Дойла, самый старый и, пожалуй, самый толковый из них, – мы значительно превосходим их по силам. Если будем быстрыми, они не успеют отступить.

Дойл досадливо мотнул головой. Северяне на выносливых низкорослых лошадях местной породы едва ли позволят раздавить себя в коротком бою. Как только они поймут, что авангард не справляется с королевскими войсками, они тут же отступят за реку.

Дойл замер: ему показалось, что он почти поймал за хвост какую-то важную мысль.

– Если авангард не справится с нашими силами, основная армия сразу же отойдёт за реку, – повторил он вслух и улыбнулся: – Лорды, совещание окончено. Готовьтесь к победе и поднимите людей за час до рассвета.

– Но милорд... – хотел было возразить Эск, однако Дойл остановил его коротким:

– Выполнять.

По одному лорды удалились, а Дойл велел позвать к себе шпионов. К сожалению, самые надёжные из них – верные тени – остались в замке, они редко участвовали в боях. Кодекс их монашеского ордена предписывал только один бой – бой за жизнь короля. Но и обычный отряд был, хвала Всевышнему, неплох и не успел ещё растерять все навыки за пять лет, прошедших с окончания последней большой войны.

Хмурый худощавый глава отряда пришёл по первому зову.

– Я уже всё доложил вам, милорд, – сказал он резко. – Мне и моим людям нужно отдохнуть, если завтра вы хотите от нас точных сведений о расстановке сил противника.

– Рейн, – поднял руку Дойл, прерывая его, – довольно. Лучше посмотрите-ка сюда.

Он ткнул пальцем в разложенную на столе карту, где разноцветными деревянными брусочками были помечены свои и вражеские войска.

Рейн склонился к карте, а Дойл медленно провёл пальцем до реки и указал на два основных моста.

– Я уже докладывал вам, милорд, – повторил Рейн, – что мятежники как следует подготовили пути отступления.

– Именно, Рейн, – согласился Дойл, – а вам и вашим людям я поручаю подпортить эти пути. Оба моста деревянные, хотя и достаточно крепкие.

Рейн медленно поднял голову и посмотрел на Дойла с выражением, близким к ужасу, на лице.

– Милорд, – сказал он не то с восторгом, не то с осуждением в голосе, – рыцари так не поступают.

– Рыцари, Рейн, верно служат своему королю, которому приносили присягу. Выходя на честный бой против них, я всегда останусь честен. Грязные изменщики лишились права называться благородными рыцарями, когда подняли оружие против короля и провозгласили своим сюзереном Риверса.

– Милорд, ваше приказание понятно. За ночь я и мои люди всё устроим.

Дойл посоветовал:

– И заготовьте хорошие топоры, как у палачей.

– Бунтовщики и не заслуживают смерти от благородных мечей, – с поклоном согласился Рейн и удалился.

Дойл крикнул мальчишку Джила, чтобы тот помог ему раздеться, и заснул тем спокойным сном, каким спят люди, принявшие решение и не сомневающиеся в его верности, а через четыре часа проснулся самостоятельно, чувствуя бодрость во всём теле. Рейн уже ждал его возле шатра с донесением, что приказ выполнен точно и что противник ничего не заподозрил.

– Стук вас не выдал? – уточнил Дойл.

Рейн поклонился и заметил:

– Мы умеем работать, милорд. Гант – река широкая, сложно услышать, что творится на другом её берегу.

Всё было готово к бою. Джил помог Дойлу облачиться в доспехи и сесть на коня. С рассветом армия была полностью построена к битве, которая, по расчётам Дойла, должна была быть очень короткой.

## Глава 4

Мосты рухнули точно тогда, когда ждал Дойл – едва войско Риверса начало отступление, – и отправил в дикую пучину быстрого Ганта самый цвет рыцарства Севера.

Остальные сдались без боя.

Дядю Риверса, милорда Гая, взяли живым.

Когда его приволокли к Дойлу и бросили на землю, он заверещал, как побитый пёс, задёргался и начал изрыгать проклятия на головы короля и королевского брата-урода. Дойл слушал почти минуту, прежде чем подошёл к нему и ударом по лицу оборвал поток оскорблений.

Гай дёрнулся и сморщился. На его лице выступила кровь: Дойл не потрудился снять перчатку, и шипы оцарапали щеку врага.

– Довольно. Ты сказал достаточно, чтобы тебя повесить.

В глазах Гая плескалась неприкрытая ненависть, но она не задевала Дойла: он размышлял, может ли Гай рассказать ему что-нибудь полезное перед смертью. Пришёл к выводу, что не может, и велел:

– Вздёрнуть.

Гай сопротивлялся как мог, пытался вырваться, потом кричал о благородстве, но ему это не помогло – его шейные позвонки хрустнули, и крики прекратились.

– Тело забрать в столицу, – велел Дойл и, не глядя на то, как выполняется его приказ, прошёл в свой шатёр.

Там, под надёжной охраной, уже сидел мальчишка Риверс, которого Гай хотел усадить на трон. Это был паренёк лет четырнадцати, здоровый, как все северяне, светлокожий и светло-волосый. С ним обращались осторожно, но разоружили и держали крепко, чтобы не выкинул какой-нибудь глупости.

– Значит, Риверс, – произнёс Дойл и сделал знак, чтобы рыцари отпустили его. Получив свободу, он по-собачьи встряхнулся, ощерился и спросил:

– А ты, стало быть, знаменитый милорд Страшилище?

Дойл сел на табурет, чтобы дать ноге отдых.

– Болтаешь дерзко. Сколько тебе лет?

– Будет пятнадцать, – Риверс гордо вскинул голову.

Дойл потёр подбородок. Он собирался забрать этого ребёнка ко двору и следить за тем, что из него вырастет. Подозревал, что ему не помешает северянин, лояльный к короне и ручной. Но Риверс не был ручным. Он был диким зверённышем диких краёв, а его руки уже были руками воина – не мальчика. Он умел держать меч, наверняка отлично сидел в седле, а одна его короткая реплика показывала, что он отнюдь не трус. Неручной северянин был ему не нужен. Риверс был ему не нужен.

– Каковы твои права на корону?

– Я – единственный законный потомок короля Ольдена Шестого. Ваш дед, милорд Страшилище, был рождён вне брака, – огрызнулся Риверс, и тем решил свою судьбу. Дойл поднялся с табурета, подошёл к Риверсу поближе, взглянул в глаза – совершенно бесстрашные, и вздохнул. Пожалуй, ему нравился этот мальчишка – смелостью. Говорить о мужестве легко, а вот бросать оскорбления врагу, взявшему тебя в плен, будучи безоружным – на это нужна действительно большая смелость. Дойл это знал слишком хорошо.

К сожалению, как это часто бывает, в придачу к смелости Риверс получил маловато ума.

Он умер быстро: тонкий узкий кинжал вошёл ему между рёбер в сердце. Мальчишка захлебнулся, закашлялся. Тело упало на ковёр. Дойл вытер кинжал о его белую в грязных разводах рубаху и вложил обратно в ножны.

На то, чтобы построить переправу, добраться до крепости Хэнт и завершить показательные казни изменщиков и заговорщиков, а также любезно помиловать тех, кто не был ни в чём виноват, ушло пять дней, и ещё неделя потребовалась, чтобы вернуться в столицу с полной победой.

К этому времени замок опустел: праздник закончился, и лишние люди разъехались, остались придворные и те, кого король пригласил ко двору на время.

Дойл со своим войском прошёл по главной улице Шеана, за ним провезли начавшее подгнивать тело милорда Гая. Народ встречал их рукоплесканиями и приветственными криками, но какими-то не слишком уверенными: они предпочли бы встречать вернувшегося с победой блистательного короля. Радоваться милорду Дойлу в народе было не принято.

Зато Эйрих встретил его с распростёртыми объятиями, правда, его взгляд был настороженным. Дойл уловил это мгновенно, поэтому не удивился, когда, кратко поздравив его перед всеми с победой и поблагодарив за верную службу, король велел ему следовать за собой.

В небольшой комнате возле зала для приёмов было тепло, горел камин. Эйрих сам помог брату снять доспехи, указал на кресло, а потом спросил:

– Что с Гаем и Риверсом?

Дойл откинулся на спинку кресла и сказал:

– Мертвы оба. Гая я казнил как мятежника – его телом можно полюбоваться на центральной площади.

– А Риверс?

Они оба понимали, в чём смысл этого вопроса.

– Погиб в бою. Большая жалость, – ответил Дойл ровным тоном, словно сообщал какую-нибудь пустячную светскую новость. – Храбрый был юноша, как и полагается потомку Ольдена, встретил смерть лицом к лицу, не пытаясь бежать. Его опознали: лицо совсем не пострадало. Я взял на себя смелость распорядиться, чтобы его торжественно похоронили в Хэнте.

Эйрих едва заметно кивнул – можно было не беспокоиться, что через год появится другой юноша, называющий себя Риверсом и претендующий на корону.

– Ты поступил правильно, Торден, – сказал он вслух, а Дойл спросил:

– Что произошло в моё отсутствие?

– Твои согладатаи вынули из меня всю душу, – улыбнулся Эйрих. – Теперь, когда ты вернулся, я ни минутой дольше не желаю видеть физиономию нашего святейшего отца.

– Он берёт твой покой как верный пёс, – ответил Дойл.

– А теперь заведи его обратно на псарню – и подальше. Его люди не оставляли меня одного даже в спальне. Хочу приласкать жену – и чувствую, что кто-то на нас смотрит. Даже рыцари были бы лучше: их хотя бы видно по доспехам.

Дойл расхохотался:

– Отличная работа. Я велю им стоять спиной к постели, когда они сторожат твой сон.

– Лучше убери их подальше, – хмыкнул Эйрих, – а то королева начнёт сомневаться в моей мужественности.

– Твоя мужественность, дорогой брат, уже давно неоспоримый факт для всей страны, – ответил Дойл не без двусмысленности, – так что одна королева не подпортит твоей репутации.

– Что же ты за ядовитая гадука, дорогой брат? – спросил король в тон ему, но ответа не дождался и уточнил: – Так могу я теперь спать без охраны?

Дойл вздохнул и честно сказал:

– Нет.

Взгляд короля из насмешливого разом сделался суровым.

– Есть то, чего я не знаю?

– Есть то, чего пока не знаю я, – отозвался Дойл. – Смутные намёки, шорохи, подозрения и слухи. Отец Рикон в мое отсутствие должен был узнать больше. Но в столице не так спокойно и безопасно, как мне бы хотелось.

Эйрих облизнул сухие губы.

– Ещё один заговор?

– Возможно. И пока я не узнаю точно, я бы хотел, чтобы ты был под надёжной охраной.

– Кого ты опасаясь?

Дойл молчал почти минуту, прежде чем ответить:

– Всех.

Заговор – любой заговор – это спрут. Он тянет свои щупальца, обвивает ими сначала тонкие стебельки, а потом мощные стволы, на которых держится власть, расшатывает их, травит ядом до тех пор, пока они не рассыпаются в труху. Уничтожить щупальца бессмысленно – нужно найти чувствительное брюшко и проткнуть его насквозь. Если же в деле замешаны ведьмы – нужно быть осторожным вдвойне.

– Всех, Эйрих, – повторил он, – и буду опасаться, пока не пойму, что здесь затевается.

Король ничего не ответил, и Дойл, оставив доспехи лежать тяжёлой грудой, прихватил меч и поковылял к себе в покои. Впрочем, и не рассчитывая на отдых: как он и предполагал, возле дверей уже стоял, завернувшись в серый балахон, Рик.

– Поздравляю милорда с победой, – по своему обыкновению почти беззвучно, но как-то очень весомо сказал он. Дойл кивнул и пригласил входить.

В спальне было нетоплено и холодно до стука зубов, но Дойл не обратил на это внимания или, точнее, сделал вид, что не обратил: в глубине души ему захотелось немедленно вызвать идиота-управляющего и лично всыпать ему плетей. Ледяная выстуженная комната обещала ему тяжёлую ночь: плечо опять сведёт проклятой болью, ногу начнёт выворачивать и корёжить, как в тисках. Однако его лицо осталось совершенно спокойным.

– Я не стал бы беспокоить милорда, едва вернувшегося из тяжёлого похода, – продолжил Рикон, быстрым взглядом, едва заметным под капюшоном, обводя комнату и задерживаясь на пустом камине.

– К делу, отец Рикон, я верю, что ты не потревожил бы меня из-за пустяков. Говори.

– Милорд крайне прозорлив, – Рик так и не снял капюшона, – вчера мои люди схватили человека. Который знает больше, чем говорит.

Дойл мгновенно забыл о холодной комнате, пальцы быстро сжались в кулак.

– Его поймали с запиской. Текст не важен, но адресат...

Дойл протянул руку, и на ладонь лёг помятый сложенный вчетверо квадратик дорогой жёлтой бумаги. Прежде чем развернуть его, Дойл принялся: сладкий шалфей, острый мускус и терпкий запах пота. Письмо написала женщина, а посыльный нёс на груди.

В записке было всего несколько слов: «У нас всё равно нет выбора, дорогая. Теперь уже слишком поздно что-либо менять. Да будет так».

– Кому он должен был доставить письмо?

– Этого он пока не сказал. Но этот лист ему дала женщина без лица. Он заметил, что, отойдя немного в тень, она превратилась в птицу. И улетела.

– Вниз, – и Дойл первым направился в подземелья.

Человека нужно было допросить – тщательно. Порядочные женщины не улетают птицами и не прячут лиц, значит, ведьма и правда рядом – и, очевидно, не одна. Пока Рик тихо рассказывал о том, где взяли человека с письмом, Дойл в недрах собственного ума искал ответ на неразрешимый вопрос: как? Как одолеть ведьм? И что им нужно? Мотив не менее важен, чем способ обезвреживания.

Человека держали в одиночной камере, которую в замке называли красной – потому что её стены давно должны были бы покраснеть от льющей крови, хотя на деле они просто чернели от плесени и сырости.

Ивен Ган – так его назвал один из теней. Парень работал на кухне. Имеет пятерых сестёр и двух братьев.

Его уже допрашивали – Дойл легко мог прочесть историю допроса по опухшим рукам, разбитому лицу и красным от слёз глазам.

– Значит, Ивен, – произнёс он, наклоняясь над посыльным и вглядываясь в его рябое скучное лицо.

– М-милорд? – пробормотал парень.

– Сколько тебе лет, Ивен?

Ему недавно исполнилось двадцать два, о чём он сообщил дрожащим голосом.

– Двадцать два, – повторил за ним Дойл. – Очень мало, Ивен. А впереди – много. И сёстрам нужна твоя помощь, у тебя их пятеро.

Ивен затрясся.

– Милорд, я сказал всё, что знаю. Клянусь.

– Кому ты должен был отнести письмо?

– Я не знаю. Я должен был положить его возле фонтана.

Дойл всмотрелся в глаза парня и произнёс:

– Не совсем. Ты о чём-то молчишь. Кому оно адресовано?

Ивен тряс головой и повторял, что ничего не знает, и Дойл разочарованно отошёл от него и сделал знак тени, а сам сел в грубое деревянное кресло. Ожидание ему предстояло недолгое.

– Только без дыбы пока, – велел он, и тень подхватил упирающегося и визжащего Ивена за шиворот.

Два ногтя. Парень оказался либо храбрее, либо глупее, чем можно было бы предположить, потому что выдержал два ногтя, прежде чем выкрикнул:

– Молочница. Я должен был дождаться молочницу!

Тень тут же отложил в сторону инструменты, а Дойл улыбнулся:

– Видишь, как всё просто?

Ивен рыдал от боли и страха, но больше уже ничего не пытался скрыть.

– Они пообещали вылечить Марту, мою младшую. Я только... Я только отдавал письма. Мне говорили кому. То молочница, то служанка, то цветочница. Я не знаю, что это значит. Пожалуйста! Поверьте!

– Я верю, – Дойл поднялся из кресла, без брезгливости, но совершенно без удовольствия взглянул на изуродованную левую руку парня и повторил: – Я верю. Теперь – верю, – и командовал тени, – пусть отдохнёт, а потом выпустите.

Из самого тёмного угла донеслось:

– Милорд, возможно, он знает что-то ещё? Стоит...

– Он больше ничего не знает.

Уже за дверями камеры Рикон спросил:

– Откуда милорду это известно?

Дойл пожал плечами:

– По глазам вижу. Глаза всегда выдают лжеца. Рик... – он хотел было сделать шаг, но так и не поставил увечную ногу на следующую ступень, – у меня для тебя дело, отец Рикон. Мне нужна та молочница, или цветочница, или кто она на самом деле. Попробуй поймать её на живца.

– Будет исполнено.

Рикон ушёл – бесшумно, по-змеиному, а Дойл продолжил путь вверх. Теперь, когда он снова в замке, можно начать строить ловушку на медноволосую леди Харроу. Неожиданно

при мысли о ней в паху потянуло, и Дойл выругался сквозь зубы – это было ещё одно доказательство, пусть и косвенное. Он давно вышел из того возраста, когда желания тела затмевают голос разума, а при мысли об этой женщине его плоть начинала гореть. Он читал, и не раз, что могущественные ведьмы знают составы зелий, которые многократно повышают женскую привлекательность, – вероятно, она воспользовалась чем-то подобным тогда на приёме, три недели назад.

«Проклятье», – пробормотал он и ускорил шаг, насколько это было возможно. О леди Харроу нужно было думать на свежую голову – хотя бы после пары часов сна. При этой мысли он повторил: «Проклятье». Нормальный сон ему сегодня не грозил: в холоде он не уснёт, а искать другую, протопленную комнату, ему не позволит чувство самоуважения. Он готов был смириться с тем, что он нём болтают, будто он – существо из преисподней. Но разносить сплетни о том, как шельма-управляющий заставил лорда Дойла бегать по замку в поисках спальни, он не позволит никому.

В комнате было тепло. В камине бешено ревел огонь, яркий и жаркий. Пахло дичью: на столе стояло блюдо. Дойл положил ладонь на рукоять меча, но почти сразу опустил: в комнате не было никого постороннего, только мальчишка Джил. Он был чумазым, в той же одежде, что и в походе, весь в земле и саже. Но ему достало сноровки, чтобы развести огонь. И ума, чтобы понять его необходимость.

– Милорд, – прошептал он.

Дойл оглядел ещё раз комнату и вместо благодарности приказал:

– Помоги раздеться.

Снимать заскорузлую, прилипшую к телу одежду было неприятно, но вода, пусть даже чересчур горячая, дарила настоящее блаженство. Мальчишка помог ему обмыться целиком, подал свежую рубаху и новые штаны, и Дойл с наслаждением упал в кресло возле камина и принялся за еду.

О заговоре не думал: не было ничего хуже идей, посещающих усталую голову. Он немного поспит, а потом снова вернётся к работе.

## Глава 5

Ловушка осталась пустой: молочница так и не клюнула на приманку, и Дойл велел проследить, чтобы Ивен убрался подальше из столицы вместе со своим выводком сестёр. В общем-то, он и не рассчитывал на успех: план был топорным с самого начала.

Рикон выглядел спокойным, но пальцы под длинными рукавами балахона нервно сжимались и разжимались.

– Это моя вина.

– Именно, – не стал спорить Дойл. – Зачем вы схватили парня? Поймали плотвичку, а щуку не разглядели.

Он дёрнул головой и сказал:

– Постарайся в следующий раз избежать такой ошибки, Рик. Иначе я буду недоволен.

Отец Рикон медленно поклонился – он отлично понял намёк и слишком хорошо знал, что у Дойла хоть и достаточно большой, но всё-таки ограниченный запас терпения.

– Я не подведу милорда.

– Не сомневаюсь, – согласился Дойл, и Рик удалился. Дойл направился к королю.

Тот, в шёлковых одеждах, расшитых золотом, в короне, восседал на троне в малом зале для приёмов, возле него, похожая на пёструю птицу в своём блестящем платье, расположилась королева. Придворные толпились возле стен, внимая королевским речам, а король вещал о справедливости и чести.

Дойл вошёл без предупреждения и без объявления, но всё-таки на него обратили внимание все – даже двое просителей, стоящих перед Эйрихом на коленях. Дойл поморщился, но не остановился и прошёл вперед, приблизился к королевскому трону и встал за спиной у брата.

– Итак, лорд Ганс, – продолжил Эйрих ранее начатую речь – очевидно, касающуюся какого-нибудь глупого спора между двумя обрюзгшими потными лордами, протирающими мраморный пол жёсткими коленками, – вы обязуетесь выплатить сыну лорда Ингли приданое своей дочери в срок десять дней. В противном случае, по нашему решению, сын лорда Ингли получит в приданое деревни Малую и Болотную и закрепит их за своим родом.

– Ваше Величество! – одновременно, но с совершенно разным выражением пробормотали лорды, однако король не закончил.

– Также лорд Ингли обязуется на собственные средства восстановить мельницу и мост на землях лорда Ганса в срок до трёх месяцев. Если это не будет выполнено, лорд Ингли предстанет перед королевским судом по обвинению в разбое. Таково наше королевское решение.

Лорды, кланяясь и пятясь, убралась прочь, и прежде чем распорядитель привёл новых просителей и жалобщиков, Эйрих объявил:

– Мы прервёмся на некоторое время.

Придворные, как дрессированные собачки, по этой команде поспешили уйти из зала, осталась только охрана.

– Милорд Дойл, – обронила королева таким тоном, словно подразумевала «ядовитая гадина», – отрадно видеть вас на вашем месте. Пока вы были в походе, мы скучали по вашему обществу.

– Ваше Величество, – Дойл наклонил голову, – ваши слова согревают мне сердце.

Эйрих, чувствуя напряжение, спросил:

– В чём дело, Дойл? Ты пришёл неожиданно и поспешно.

– В том, что я хотел поприсутствовать на королевском суде, вы не верите, Ваше Величество? – хмыкнул Дойл.

– Ни на миг: ни одного серьёзного дела. Ну, говори, кого из моих подданных ты хочешь отправить в темницу? – Эйрих улыбался, но глаза у него были серьёзные.

Дойл посмотрел в эти глаза, бросил короткий взгляд на насторожившуюся королеву, похожую на голодную злую крысу, и сказал:

– Ваше Величество никогда не ошибается, но в этот раз подозрения напрасны. Я пришёл к вам как проситель, – он вышел из-за трона, но на колени не встал: Эйрих достаточно давно категорически запретил ему это делать, во-первых, желая перед всем двором подчеркнуть его статус, а во-вторых, беспокоясь о его ноге, которая мучила младшего принца с детства, а временами, в плохую погоду, болела просто нестерпимо.

Король рассмеялся:

– Ни за что не поверю.

– И всё-таки придётся. Только ваше величество в силах исполнить мою просьбу и подарить мне большую радость... – Дойл сделал паузу и продолжил: – пригласив на ближайший из пиров леди Харроу, вдову лорда Харроу, находящуюся сейчас под опекой милорда Грейла и проживающую в столице.

За короткое мгновение на лице Эйриха сменились изумление, радость, осознание и обречённость, а потом он спросил:

– В чём она подозревается?

Дойл не мог точно сказать, почему он не ответил откровенно: в колдовстве. Возможно, потому что у него не было никаких доказательств, а рыжие волосы и непонятную привлекательность к обвинению не приложишь. Возможно, потому что не хотел тревожить короля. Или не желал обсуждать дела в присутствии коронованной крысы, его августейшей супруги.

В любом случае, он произнёс:

– Никаких подозрений, сир. Моя просьба не государственного, а личного характера, – он немного наклонил голову и опустил глаза.

Пусть так – странная прихоть, из-за которой он не обвинил открыто леди Харроу в колдовстве, позволит убить двух зайцев разом: приблизиться к ней, чтобы изучить ближе, и отвлечь короля от марьяжных планов на его, Дойла, счёт.

– Проклятье! – Эйрих хлопнул себя по колену. – Я ему сватаю самых красивых девушек королевства с огромным приданым, на что он отвечает, что любовные порывы его душе не близки. И вот она – причина, рыжая вдова, – он расхохотался, королева позволила себе мелкую зубастую улыбку, а Дойл сохранил каменное выражение лица. – Конечно, брат. Конечно. Что скажешь о сегодняшнем вечере? Ещё не поздно послать ей приглашение.

Дойл поклонился и коротко поблагодарил.

Он терпеть не мог приёмы – не важно, как они проходили и как назывались. Утренние собрания на королевском суде были настолько же невыносимы, как и пиры для знати. Но приём этим вечером был исключением – он был необходим не ради фальшивых улыбок королевских лизоблюдов, а для работы, поэтому Дойл собирался с большей охотой, чем обычно. Джил помог ему переодеться в камзол, в этот раз значительно более удобный, подал перстни и пробурчал себе под нос:

– Вы прекрасно выглядите, милорд Дойл, – и тут же шагнул назад.

Дойл бросил на него короткий взгляд, но ничего не сказал: и без слов было понятно, что мальчишка в очередной раз сморозил чушь. Но камзол сидел отлично, словно был скроен по корявой фигуре, и, похоже, Джил приложил к этому руку. Поэтому вместо того, чтобы посоветовать ему заткнуться, Дойл сказал:

– Приготовь плащ и сапоги к моему возвращению. И сам оденься в тёмное.

Джил мелко закивал, Дойл оставил его в комнате и неспешно направился в большой приёмный зал. Если бы он больше верил в помощь Всевышнего, перед встречей с ведьмой он зашёл бы в храм или надел бы на запястье браслет с Недремлющим Оком. Но он верил слабо: кто бы ни сотворил всё на земле, живое и мёртвое, он давно забыл о своём творении,

занявшись другими, более важными вещами. Поэтому в делах людям оставалось полагаться на собственный ум, в бою – на ловкость, а в интригах – на красноречие. Не на помощь свыше.

Ленивые неспешные мысли мгновенно сбежали прочь в недра сознания: мимо, учтиво поклонившись, попытался пройти человек, которому было совершенно противопоказано попадаться Дойлу на глаза. Дойл остановился и сказал, не поворачивая головы:

– Стойте-ка, господин Оуэн.

Управляющий замка замер – Дойл не видел, но слышал шорох его одежды и ставшее частым дыхание.

– Рад нашей встрече.

– Милорд Дойл, – раздалось сзади, – рад служить.

– Не сомневаюсь. Подойдите-ка сюда.

Управляющий шаркнул ногами и встал перед Дойлом, поклонился и так и замер, сложившись пополам. Дойл хрустнул пальцами. Вчера он желал засунуть подонка на нижний уровень подземелья, в одну из ледяных камер под озером, и посмотреть, какие боли прохватят его после подобной ночёвки. Но сегодня ярость уже прошла, от неё остались только слабые отголоски, и Дойл вполне осознавал, что это – просто личная детская обида.

Управляющий попытался насолить ему – мелко и глупо, – но не совершил измены, не подверг безопасность и благополучие короля риску. Он не заслуживал камеры.

– Мне кажется, вы слишком усердно служите, господин Оуэн, – произнёс Дойл неторопливо, изучая лысину управляющего.

– В с-самом деле, милорд?

– Несомненно. На вас лежит так много обязанностей, так много забот.

Лысина покрылась блестящим потом.

– Ничто не ускользает от вашего чуткого взгляда: ни один уголок замка, ни одна щель в стене, – продолжил Дойл ласково, а потом коротко и резко добавил: – и так должно быть впрямь, господин Оуэн, иначе вы будете изучать замок с доселе неведомой вам стороны.

Дослушивать ответ или извинения он не стал – зашагал дальше, тщательно задавливая в себе мстительные порывы. Было что-то притягательное в идее, например, велеть ему опуститься на колени и ползти до конца коридора, собирая на бархатные штаны пыль дворцовых полов. Но это было бы низко и бесполезно, а потому должно быть отвергнуто и забыто.

Большой приёмный зал уже был полон: скоро должен был начаться ужин, но пока короля и королевы не было, гости ходили вдоль длинных столов и громко разговаривали, перекрикивая друг друга, или прислушивались к завываниям музыканта и брэнчанию его лютни. Дойл на глаз прикинул количество людей и понял, что, не считая охраны и слуг, собралось больше сорока человек.

Но его появление, как и утром на королевском суде, заметили сразу – по галдящей толпе прошёл короткий вздох, и она замолкла.

– Добрый вечер, лорды, – произнёс Дойл и вдруг почувствовал непонятное, едва ощутимое жжение. Его источник не нужно было искать долго: просто леди Харроу вошла в зал почти следом и остановилась в дверях, робея. Проклятая кровь в жилах заструилась быстрее, приливая к чреслам. Дойл позволил себе на мгновение прикрыть глаза, восстанавливая в памяти ощущение холода от купания в ледяных ключах, и возбуждение ослабло.

Ведьма вблизи была привлекательнее, чем издали. Дойл, повернувшись, изучал её рыжие кудри, мягкую светлую кожу, пятнышки солнечных поцелуев на щеках и крупном носу.

– Леди Харроу, – сказал он негромко, и гости, убедившись, что он не интересуется кем-то из них, вернулись к своим разговорам, только на два тона тише.

Она опустила в низком реверансе перед ним, не поднимая глаз, и ответила:

– Милорд Дойл.

– Встаньте, леди.

Она подчинилась сразу – неестественно плавным движением. Церковники много писали о том, как распознать ведьму. Но они могли бы не утруждаться – леди Харроу являла собой ярчайший образец.

«К врагу и его свите ожидания, – подумал Дойл, – на дыбе редко хранят секреты, а с переломанными пальцами ни одна ведьма не сможет колдовать. Всё, что нужно, это оглушить её и велеть теням забрать. Не до игр». Но, разумеется, не оглушил и не велел, а весьма любезно спросил, жестом предлагая пройти ближе к столу:

– Как вам столица, леди Харроу?

– Слишком шумно и грязно, милорд, – ответила она, – но мне скорее нравится. Здесь чувствуется жизнь. Мне не хватало этого в поместье.

– Жизнь порой принимает отвратительные формы, леди, – заметил он, имея в виду магию, но по её глазам увидел, что она поняла эти слова иначе.

– Жизнь прекрасна в любой из форм, созданных Всевышним.

Она решила, что он говорил о себе. Дойл скрипнул зубами.

– В вас говорит наивная вера, естественная для вашего пола.

– Несомненно, – согласилась ведьма, но как-то слишком уверенно и почти насмешливо. – Женщины видят этот мир в лучшем свете, чем мужчины, милорд.

Дойл на это кивнул, признавая её правоту, и уже собрался спросить, какие же положительные черты она видит в столичных формах жизни, – просто чтобы о чем-нибудь говорить, как она уточнила спокойно:

– Простите, милорд, а в чём меня подозревают?

Руки оставались празднично-спокойными, взгляд колдовских зелёных глаз – безмятежным, щёки – бледными. Дойл заметил бы любой признак волнения, но нечего было замечать. Она спросила об этом так, словно говорила о погоде.

– Почему вы спросили об этом, леди?

Зелёные глаза мигнули, тонкие губы дрогнули в улыбке.

– Я всего три недели при дворе, но этого достаточно, чтобы узнать некоторые факты. И когда гроза всех заговорщиков и преступников королевства заводит со мной беседу, я не могу не спрашивать: в чём он меня подозревает? – Дойл готов был поклясться, что она сдерживает улыбку.

– Гроза всех преступников и заговорщиков королевства, леди, – сказал Дойл, чуть дёрнув уголками губ, – к его большому сожалению, всего лишь жалкий смертный, подверженный всем слабостям человеческим. В отличие от разящего пламенеющего меча, он не может лежать в ножнах в ожидании своего часа. И сегодня его привело на приём не дело, а чувства простого смертного: голод и скука.

– Меня уверяли, что желания смертного вам незнакомы, – заметила леди Харроу.

– Вот как? Я удивлён. Если вам рассказывали обо мне, то наверняка не забыли упомянуть полчища юных дев, погибших от моих рук.

– А также младенцев, которых вы, прошу прощения, пожираете ночами, – теперь она улыбнулась открыто, показав крупные белые зубы. Даже у королевы, которая по несколько часов в день проводила перед зеркалом, не было таких белых зубов.

– Младенцы – это из области нечеловеческого. Тем не менее, вынужден вас разочаровать – я всего лишь человек. Даже если...

Он не договорил, потому что двери в очередной раз распахнулись, и в зале настала полная звенящая тишина. На пороге стояли король и королева во всём великолепии. Дойл взглянул на леди Харроу ещё раз, но так и не сделал знака теням. Он хотел поговорить с ней ещё раз, чтобы укрепиться в своих подозрениях.

Или чтобы послушать её медовый, созданный чарами голос.

Дойл коротко кивнул ей, пожелав приятного вечера, и направился к своему месту слева от Эйриха.

## Глава 6

Коридор был длинным, узким и извивался змейй. На чёрно-красных стенах редкие факелы оставляли длинные тени и слепящие жёлтые пятна. Под ногами хлюпала вода – мутная, тоже кровавая. Дойл бежал своим кривым подскоком, спотыкался, несколько раз падал, едва успевая выставить перед собой руки и сдирая кожу с ладоней, но поднимался и, не отряхивая штанов, продолжал бежать. Горло сжималось, дыхания не хватало, но он не мог остановиться.

Коридор сделал очередной резкий заворот, и, не успев затормозить, Дойл кубарем скатился по лестнице и сломанной куклой повалился на белоснежный ковёр. Теперь Дойл сидел в чистой и светлой зале без окон, но с очень высокими потолками. Чутьём военного, не раз спасавшим ему жизнь, он ощущал, что рядом кто-то есть: он не слышал чужого дыхания, но как будто чувствовал взгляд. Превозмогая боль, он поднялся на ноги, потянулся было за мечом, но пальцы схватили только воздух: он был безоружен. Кинжала при нём тоже не было.

Воздух перед ним пошёл рябью, и посреди залы возникла леди Харроу – почти такая, как на приёме, только не во вдовьем облачении, а в белоснежном платье и с распущенными волосами. Дойл приоткрыл рот, но не сумел выдавить из себя ни звука, а ведьма плавно провела тонкими руками по груди, обращая платье в капли росы, осевшие на сливочной, почти прозрачной коже. Дойл тяжело захрипел, не в силах отвести взгляда от её тела, от налитых соком грудей с тёмными, коричневыми сосками, от широких бёдер. Мгновение – и она сделала к нему шаг, ничуть не стесняясь своей наготы. Дойл сглотнул ставшую вязкой слюну и невольно дёрнул ворот рубахи – и в тот же момент упал на спину, сбитый воздушной волной. Протяжно, нечеловечески закричав, ведьма обратилась в чёрную птицу и спикировала на него, впилая острым клювом в руки, принялась рвать когтями. Голос вернулся, и Дойл вскрикнул, чтобы тут же проснуться.

Сердце бешено колотилось, зубы постукивали, в колене тянуло и скрипело, а в паху раскалённым железом плескалось желание. Унимая дрожь, он откинулся обратно на подушку и стёр рукой пот со лба и висков.

Дверь открылась, в щель просунулась башка Джила.

– Милорд, вы в порядке?

– Проваливай, – ответил Дойл, и дверь тут же закрылась.

Сон. Это был просто проклятый сон, вызванный обилием вина, снова вернувшейся болью в ноге и воздействием привораживающих чар ведьмы Харроу. Надо было быть полным идиотом, чтобы отпустить её, а не схватить и не препроводить в красную камеру. Идиотом с причинами, к тому же. Сейчас, когда влияние волшебства ослабло, Дойл понимал, как глупо поступил: не умнее Эйриха, отпускающего раскаявшихся ведьм.

«Завтра, – подумал он спокойно, – завтра я с ней снова встречу. Наедине, подальше от короля, под прикрытием теней, задам все необходимые вопросы, а потом арестую».

Эта мысль его крайне успокоила, и он снова уснул – на этот раз без сновидений.

Накануне, сразу после пира, он увиделся с Шилом и его людьми – они не сообщили ничего нового, но передали, что среди черни всё больше болтают про ведовство и чары. Однако о молочнице, которая бы занималась чем-то подобным, никто не слышал – по-прежнему адресов или имён не было.

В связи с этим посетившая его ночью идея была крайне здоровой: действительно, хватать ведьму на пиру, в толпе лордов, было бы опасно. Для ареста подойдёт тихое место, в котором не будет лишних свидетелей, а значит, и возможных жертв. Замок для этих целей неудобен. Город – тоже не слишком хорош: узкие улицы, по которым так хорошо бежать, торговые площади, полные людей, которых легко убить, подземные проходы и каналы, в которых можно скрыться. Не стоило также надеяться застать ведьму врасплох в её доме: жилища колдуний

всегда были забиты опасными зельями, а порой и оживающими предметами, которые могли бы стать отличным подспорьем в борьбе.

Зато за крепостными стенами располагалась небольшая светлая роща, носившая название Королевской. Простолюдины в неё не заходили, там была запрещена охота, и её было очень легко оцепить.

Отправив мальчишку за Риконом, Дойл достал карту города и расстелил на столе. Провёл пальцем по линиям чернил. Её рисовали по его заказу и под его личном наблюдением почти четыре месяца. Она была безупречно точна, до мельчайших деталей. Замок с основными и тайными выходами, две площади, все святилища, оружейные и продуктовые склады, особняки и все входы и выходы из них. Королевская роща на карте тоже была – севернее города. Дойл вытащил из кармана горсть монеток и начал по одной раскладывать в тех местах, где должны будут стоять воины. За этим делом его застал отец Рикон. Ничего не говоря, он склонился над картой, тощий крючковатый палец коснулся правой части рощи, и Дойл кивнул: пожалуй, Рик был прав. Место возле водопада подходило лучше всего.

– Милорд нашёл ведьму? – спросил Рик после того, как вместе с Дойлом расставил все посты-монетки.

– Пожалуй, нашёл, – кивнул Дойл, – а точнее узнаем в красной камере.

– Милорд поступает мудро, если только мне дозволено высказать своё мнение, – произнёс он в ответ.

– Подбери людей понадежней. И будь готов, когда я скажу.

Отец Рикон удалился, а Дойл велел оседлать коня и переоделся в дневной наряд: обычную белую рубаху из плотной ткани заменил на светло-серую из дорогой шелковичной, поверх накинул кожаный серый же колет и только штаны оставил тёмные и длинные: в коротких, как носили брат и его двор, он смотрелся убого. Его волосы Джил, чуть подрагивая от страха, тщательно вычесал и отвёл назад серебряным обручем, пальцы унизал крупными перстнями.

Зеркала у Дойла никогда не было, даже посуду он предпочитал деревянную или глиняную, не желая во время еды созерцать своё кривое отражение, но и без него было ясно, что он так похож на галантного любовника, как только может при своей внешности злого горбуна из сказок, которыми чернь пугает детей.

Джил помог ему сесть в седло, двое теней – им лично выбранные – пристроились на неприметных резвых лошадках позади, и они двинулись по городу к небольшому дому на окраине, принадлежавшему покойному лорду Харроу, а теперь – его вдове.

При помощи одного из теней Дойл спешился, бросил второму поводья, а сам велел слуге, стоявшему у приоткрытой двери:

– Доложи хозяйке, что к ней милорд Дойл.

Слуга сглотнул так испуганно, словно увидел выходца с того света, кивнул и скрылся в доме. Дойл остался стоять на улице.

Обычно, заходя в дома подозреваемых, он не слишком церемонился, но сейчас он пришёл не угрожать, а играть: леди Харроу нужно было убедить прийти на свидание в Королевскую рощу. Разумеется, его личное обаяние не поможет – по причине отсутствия такового, но зато сработают хорошие манеры и тонкий намёк на особое поручение короля.

Слуга вернулся через две минуты и с поклонами предложил высочайшему милорду войти.

Дом леди Харроу не был колдовским в том смысле, который подразумевали церковники: не было тёмных штор, не стояли по углам чёрные и красные свечи, не чувствовалось тяжёлого запаха дурманящих трав. Напротив – гостиная была очень светлой и просторной (Дойл невольно вздрогнул, вспомнив комнату без окон из недавнего сна). Но всё-таки ощущалось в ней что-то чуждое, волшебное. Дойл огляделся, стараясь не пропустить ни единой детали. Запах. В первую очередь, запах: слишком свежий, но не цветочный и не травяной. Пахло све-

жим ветром, возможно, дождём. Мебель очень изящная, даже хрупкая: витые ножки стола вот-вот подломятся под тяжестью вазы. Вазу Дойл рассматривал особенно внимательно – это было восточное стекло очень тонкой работы. Лорд Харроу едва отдавал долги и с трудом сводил концы с концами, а его жена выставляет на первом этаже временного дома вазу стоимостью в его годовой доход. Дойл втянул носом воздух: он мог поклясться, что чувствует этот запах – запах колдовства.

Сзади послышались шаги, и Дойл обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть спускающуюся по лестнице леди Харроу. К счастью, на ней было тусклое тёмно-синее платье вдовы, а не белоснежное одеяние.

– Милорд Дойл, добро пожаловать, – произнесла она, на короткое мгновение звучанием голоса выбив Дойла из состояния равновесия. Но в этот раз он был готов столкнуться с её чарами и не потерял контроля над собой, только отстранённо отметил, что сердце застучало быстрее.

– Я не ждала вашего визита. Выпьете вина?

От подобных предложений Дойл обычно отказывался резко и жёстко, но в этот раз изобразил на лице сомнения, прежде чем ответить:

– Рад видеть вас, леди Харроу. Благодарю, но от вина откажусь: сейчас у меня не так много времени, как я бы желал.

Одна бровь ведьмы приподнялась, лоб чуть сморщился, она спросила:

– В таком случае, милорд, могу я узнать, что привело вас ко мне?

Дойл коснулся лоснящегося бока стеклянной вазы и произнёс, словно не услышал вопроса:

– Прекрасная работа. Эмир, я полагаю. Привезти такую вещицу к нам непросто.

Леди Харроу улыбнулась, подошла к столику и тоже дотронулась до вазы.

– Подарок моей матери. До войны семья моего отца была богатой. Да и лорд Харроу не всегда изыскивал средства, чтобы отдать долги за выжженную и истоптанную землю, – её лицо словно потемнело, под глазами стали заметны тени. Она взглянула на Дойла и тихо спросила: – Вы были на войне, милорд?

– На всех за последние десять лет, – отозвался Дойл. – И на той, о которой вы думаете, тоже.

Земли лорда Харроу находились на западной границе, откуда семь лет назад в страну пришла смерть. У смерти были красно-золотые флаги с хищными львами и огромная армия, сметающая на своём пути всё. Эйрих тогда мог потерять корону и жизнь за несколько дней: войска королевства Остеррад продвигались вперёд без остановок, вытаптывая поля и вырезая всех, кто пробовал оказать сопротивление. Эйрих был ещё достаточно молод и всего год как носил корону. Он хорошо знал книжки по военной стратегии, но ни черта не смыслил в настоящей войне. Сам Дойл, тогда ещё принц Торден, понимал и того меньше, хотя и ездил уже несколько раз на северные границы и бывал в реальных боях.

Натиск остановила сумасшедшая решимость короля. Не думая о стратегиях, не заседая в штабах, он, надев золотые доспехи и корону, не таясь, первым бросался в бой, и его солдаты шли вперёд, а рыцари показывали чудеса доблести, выходя в одиночку на восьмерых – и побеждая. Дойл тоже сражался – без удали, зато с яростью зверя, который дерётся за свою жизнь и свою территорию. Потом, за два года войны, он научился лгать, подсылать шпионов, подкупать полководцев и пытаться пленных, а Эйрих из везучего смельчака превратился в непобедимого отважного воина. Они выиграли ту войну вдвоём.

Он вздрогнул и поймал взгляд леди Харроу.

– Вы получали удовольствие от войны? – спросила она очень тихо. Дойл кашлянул.

– От войны, леди, получают удовольствие мародёры и падальщики. Смею надеяться, что в ваших глазах не отношусь ни к одной из этих категорий.

Леди Харроу улыбнулась:

– Ни в коем случае, милорд. И всё-таки... – она наклонила голову, показывая тонкую шею, – я бы хотела узнать, что вас привело ко мне этим утром.

Дойл отошёл от столика с вазой, скрестил руки на груди и вдруг почувствовал необъяснимое стеснение – как будто он приглашал её на настоящее свидание, предвкушая сладкие запретные поцелуи, которые вот-вот сорвёт с её губ. Перед глазами встала карта с точками засады, и стеснение прошло.

– Леди Харроу, я заехал, чтобы пригласить вас на прогулку. Сегодня удивительно хорошая погода для этого времени года – и стоят последние дни, когда можно взглянуть на синих клеточунов. Скоро они улетят на юг до весны, – сказал он без тени улыбки.

Леди Харроу тоже не улыбнулась и произнесла:

– Милорд, простите мне мои сомнения, но в ваших словах я отчетливо слышу второй смысл, однако не могу его постигнуть.

– Леди, – он позволил себе едва заметную улыбку, чуть уже той, которую обычно использовал на встречах с братом, – я не слишком хороший оратор и ещё худший придворный галант. Возможно, поэтому мои слова вызывают у вас... неуверенность.

Ведьма молчала, и Дойл отмерял текущее время по стукам сердца. На сороковом ударе она приблизилась к нему, заглянула в глаза, окутав свежим, очень притягательным ароматом.

– Вы приглашаете меня, потому что я – женщина, которой вы хотите показать улетающих на юг редких птиц, или потому что я знаю нечто такое, что может быть полезно Его Величеству?

Дойл ответил не сразу: во-первых, вдыхал её запах, тщетно надеясь распознать в нём знакомые нотки, во-вторых, отсчитывал всё те же сорок ударов сердца.

– Думаю, леди, и то и другое – в равной степени.

Она отошла назад тут же, разгладила и без того безупречный подол платья и сказала:

– В таком случае, милорд, я надеюсь, что клеточуны будут видны в четыре часа.

– Думаю, мы сумеем их разглядеть. Я пришлю за вами карету, леди, – Дойл неглубоко поклонился. – Позвольте проститься с вами до вечера.

Она присела в реверансе, Дойл выпрямился и пошёл к выходу. Она остановила его на пороге.

– Куда именно мы поедем, милорд?

– Позвольте сделать это сюрпризом.

В этот раз ловушка была подготовлена не в пример лучше. Дойл сам приехал в рощу и проверил каждый куст, каждый камень водопада, каждое дерево. Двойной кордон был расставлен в тех местах, которые заранее они определили с Риком. Святейший отец перепроверил все посты, добавил ещё один – почти на берегу городского рва.

Ведьму надо было брать или на выходе, или во время разговора: Дойл не сомневался в своей способности при необходимости уйти от волшебного удара и обезвредить её. На всякий случай он посадил на дереве человека с сеткой: невольно вспомнил сон, в котором леди Харроу обращалась в птицу.

– Вы не назовёте мне имя ведьмы, милорд? – спросил Рикон, когда всё было готово.

– Нет, – ответил Дойл, – пока нет. – Потом добавил, вернувшись мыслями к предстоящему свиданию: – Не забудь о закрытой карете.

– Разумеется, милорд. И намордник для ведьмы.

Представлять леди Харроу в железном наморднике было неприятно, но это не имело никакого значения.

В Королевскую рощу он поехал заранее, верхом, всё в том же светло-сером костюме. Даже лишний раз прошёлся гребнем по волосам, собираясь. Перед тем, как он сел на коня, Рикон спросил:

– Если вы посылаете карету, которая привезет её сюда, – Дойл в этот момент хмыкнул: его тайная служба работала отлично, узнавая даже то, что он хотел от неё скрыть, – то почему та же карета не отвезёт её сразу в замок?

Это был удивительно хороший вопрос.

– Потому что я хочу получить доказательства её виновности, прежде чем подвергну пыткам. Мне не нравится идея пытать невиновных женщин.

Слуга посадил его в седло, и Дойл сжал коленями бока коня, не желая дальше обсуждать свой план. Отец Рикон остался в замке: он понадобится, когда высокая гостья прибудет в темницу.

## Глава 7

Карета, везущая леди Харроу, ещё не подъехала к роше, а Дойл уже расположился на широком плоском камне в десяти шагах от водопада, пристроил поудобнее увечную ногу, чтобы не отвлекала. Меч он с собой не взял, но за голенищем сапога был надёжно спрятан длинный узкий кинжал, которым он владел настолько искусно, что при необходимости мог сдерживать в течение нескольких минут натиск полностью вооружённого рыцаря. С ведьмой же он драться не собирался вовсе. Всё, что ему нужно было сделать, – это заставить её проявить свои способности. Одно крохотное волшебство – и люди с сетями её спеленают, а он сам безо всяких церемоний коротким ударом в висок лишит сознания.

Он поднял небольшой камешек и подкинул здоровой рукой. Водопад был скорее игрушечным, нежели настоящим, – кусочек стихии, укрощённый и обузданный королями древности. Камень с булькающим звуком шлёпнулся о воду и погрузился на дно. Не больше двух локтей в глубину.

Кивнув своим мыслям и тщательно выстроив в голове сцену того, как столкнёт ведьму в поток, Дойл поднялся на ноги – и вовремя. Леди Харроу прибыла.

На первый взгляд казалось, что она была такой же, как утром, но Дойл заметил кое-какие отличия. Капля румян на лице, траурная, но всё-таки драгоценная брошь на груди, кружевные перчатки – и всё те же непокорные рыжие волосы, с трудом собранные в строгую высокую причёску и прикрытые уродливым вдовьим убором.

– Королевская роша, – произнесла она вместо приветствия, оглядывая светлые стволы деревьев, древесина которых стоила по два веса золота.

– Бывали здесь? – спросил Дойл для проформы и чтобы заставить себя отвести взгляд.

– Никогда. Мне не доводилось получать подобного приглашения от особ королевской крови. Но... – она тонкими пальчиками коснулась ствола, – я много о ней читала. Здесь, как пишут, растут рубиновые деревья, плачущие весной драгоценной смолой.

Дойл сжал кулак. Только что она дала ему ещё одно косвенное доказательство своей мерзостной натуры: едва ли найдётся в королевстве много женщин, не связанных с магией, кто читал бы подобные книги. Священные тексты и благочестивые наставления – такова литература для благородных леди.

– Интересное воспитание вам дали родители, – произнёс он, надеясь, что злые нотки не проскользнут в голосе и не спугнут ведьму, – о рубиновых деревьях вряд ли пишут в Святейшей книге.

Щёки леди Харроу покрылись полупрозрачным мягким румянцем, она опустила глаза и ответила:

– Не родители. В доме отца жил старый лекарь с востока, Джамилль. Я была любопытным ребёнком и часто мешала ему готовить пилюли – тогда он давал мне книгу, чтобы отвлечь. Я читала не совсем подходящую для девочки литературу.

Лекарь с востока. На востоке, в том же Эмире, по слухам, были свои колдуны – и много. Они жили в роскоши при дворе шахов, строили замки из чистого золота и требовали прислуживать себе. Шахи и короли всегда прислушивались к их словам, а часто полностью попадали под их влияние.

– Лекарь учил вас своему делу? – спросил Дойл, но сразу же понял, что его вопрос прозвучал резче, чем нужно. Румянец исчез с лица ведьмы, она побледнела, поджала губы и спросила холодно:

– Так в чём вы подозреваете меня, милорд Дойл?

– Кажется, леди, я ещё вчера сказал вам...

– Милорд, позволю себе не поверить. Ваши вопросы буквально пропитаны подозрением, но я не могу понять, в чём провинилась.

Она подошла к нему так близко, как позволял этикет, – даже, пожалуй, немного ближе допустимого, и Дойл почувствовал, как его одолевает смесь желания с яростью, которая вызывалась не необходимостью общаться с ведьмой, а тем, что он был вынужден смотреть на неё почти снизу вверх, не имея возможности выпрямить спину.

Сгорбленная спина всегда казалась ему унижительной, но никогда – настолько сильно. Он дёрнул было плечом, но острая боль напомнила, что его удел – всегда ходить, склонившись, даже перед ведьмой. Даже перед этой женщиной.

Несмотря на это, он не отстранился, чтобы занять более выгодную позицию, напротив – наклонился вперёд и отдельно сказал:

– Леди Харроу, сейчас я просто наслаждаюсь вашим блестящим обществом в этом дивном уголке. Если я начну вас в чём-то подозревать – хоть немного – вы быстро обнаружите себя отвечающей на мои вопросы на дыбе.

Её лицо исказила короткая неприятная гримаса, которая тут же исчезла. Она медленно опустила в реверансе.

– Милорд, я это учту. Но я клянусь вам, мои намерения чисты, мне нечего скрывать.

Дойл поймал взгляд её зелёных глаз. Обычно он читал мысли по глазам проще, чем слова на книжных страницах, отделял правду от лжи, чувствовал утайки и сомнения. Глаза леди Харроу были слишком яркими, а взгляд – слишком открытым для той, которой нечего скрывать. Дойл сглотнул.

Глаза действительно были слишком яркими – из-за чар или из-за пробивающегося из-за облаков солнца. Мгновение – и они увлажнились, на ресницах блеснули капельки слёз. Клянясь себе остановиться немедленно, Дойл протянул руку и большим пальцем оттер по очереди эти слезинки. Леди Харроу вздрогнула, но на её лице не возникло обычного для всех прочих людей отвращения.

– Это от ветра, милорд.

Дойл собирался сказать, что здесь нет ветра, но не успел: её глаза расширились от ужаса, и она быстро, удивительно сильным движением схватила его за ворот рубахи и, потянув за собой, повалила на землю.

Свистнул и ударился о камни арбалетный болт. К вражьей силе боль – Дойл вскочил на ноги мгновенно, развернулся в сторону стрелка и рявкнул:

– На обрыве!

Снова свистнуло – но выстрел был смазан ударом одного из теней. Дойл увидел стрелявшего – одного из парней в форме дворцовой стражи. Вытащив кинжал, Дойл приблизился к нему с опаской, но он уже был безвреден: тень в сером балахоне и ещё один воин из охраны уже повалили его на землю, выкрутили руки. Тень точным ударом выбил арбалет под ноги Дойлу.

– Пусти! – взвизгнул стрелок, но замолчал от удара в зубы. Захныкал.

Ему выкрутили руки, распластали по земле, сунули кляп. Дойл подошёл, схватил его за волосы и резко дёрнул, но тут же отпустил и отвернулся.

Стрелку было не больше двадцати пяти. Молодой парень, смутно знакомый, но его лицо было перекошено дикой, неопишуемой яростью и пылало ненавистью.

– Милорд, что прикажете? – с поклоном к нему подошёл возглавивший операцию Файнс. Дойл стиснул здоровую руку в кулак так сильно, что ногти впились в кожу.

– Как его зовут?

– Тони. Тони Райт, третий год в гвардии. Милорд, я клянусь, что... – Дойл рубанул рукой по воздуху, прерывая извинения и выражения покаяния и покорности своей судьбе.

– Позже, Файнс. Я поговорю с вами позже. Пока доставьте Тони Райта... в замок. В подвал, в четвёртую камеру, под ответственность отца Рикона. Если он сбежит по дороге, я прослежу, чтобы вы лишились головы.

Файнс хотел было что-то ещё сказать, но не осмелился. По его команде бьющегося в припадке не то злости, не то ужаса Райта поволокли к карете, которую Дойл предназначал для леди Харроу. Те, кто не был занят им, рассредоточились по периметру рощи и снова стали незаметными.

Всё заняло не больше двух минут. Два выстрела, смерть, просвистевшая в полупальце от виска, крик испуганной женщины, спасшей его жизнь, арест стрелка – и снова тишина. Только клеткуны, до этого изредка посвистывающие на свой неповторимый лад, замолкли.

Дойл спустился к леди Харроу. Она сидела на широком сухом камне возле водопада и белым платочком стирала грязь с тёмного подола. Издалека она казалась безмятежной, но подойдя ближе, Дойл увидел, что у неё трясутся губы, а пальцы едва слушаются.

Он присел рядом с ней и сказал:

– Оставьте платье. Я прикажу доставить вам двадцать новых.

Она нервно хмыкнула, но ещё крепче вцепилась в платочек.

– Я вдова, милорд. Мне не пристало иметь больше трёх платьев.

Дойл опустил голову и ничего не ответил. Он измышлял проверки, провокации, но всё вышло проще. Два выстрела, испуг – и ни одной вспышки магии, ни волшебного щита, ни превращений. Единственное, что отличало в тот момент леди Харроу от обычной женщины, – это не магия, а смелость и скорость реакции. Если бы она не увидела летящую стрелу, Дойл был бы мёртв.

Он перевел на неё взгляд. Она уже перестала вытирать грязь и теперь просто мяла поседевший платок.

– Леди Харроу, – произнёс он, – я должен поблагодарить вас. Полагаю, что...

Она слабо улыбнулась и быстро сказала:

– Нет, не совсем. Я видела полёт стрелы, она не убила бы вас, только ранила. Но...

– Но я рад, что этого не случилось, – сказал он. – Поэтому должен выразить свою благодарность.

Леди Харроу выпустила из пальцев кусочек ткани, стянула кружевную перчатку и протянула ему руку. Дойл коснулся её – кожа была прохладной, сухой и тонкой, а вся её ладонь могла целиком поместиться в его ладони. Она сжала его руку и тут же вскочила и отошла.

– Простите, милорд.

– Стоит позвать вашу служанку, и я доставлю вас домой, леди Харроу, – безразлично сказал Дойл, надеясь, что тон голоса не выдаст его волнения. Это короткое прикосновение взбудоражило его сильнее, чем недавняя опасность.

– Я... – она прикусила губу, – я приехала одна, милорд.

– Неразумно, – заметил он. – Столица не так спокойна, как мне бы этого хотелось.

– В таком случае, две женщины ничуть не лучше одной, – пожалала плечами леди Харроу.

Дойл встал с камня, не обращая внимания на то, что колено вспыхнуло болью значительно более сильной, чем обычно, и, чуть поколебавшись, предложил ей опереться на свою руку – правую, разумеется. Она поправила манжет и вместо того, чтобы коснуться подставленного локтя, едва ощутимо опёрлась на левую увечную руку. Дойл почувствовал что-то, сходное с восхищением. Немногие отваживались дотронуться до столь заметного признака его уродства.

Даже продажные женщины, чьи ласки окупались звонкой монетой, старались избегать прикосновений к этой руке.

– Вас хотели убить, милорд, – сказала леди Харроу как будто в сторону, – будет лучше, если вы сможете в любой момент достать оружие.

До выхода из роши они шли молча. Что творилось в странной рыжей голове этой женщины, было непонятно, а Дойл одновременно думал о том, кто стоял за этим странным, в сущности, нелепым, но почти удавшимся покушением, и о том, как он ошибся.

Необычность леди Харроу бросилась в глаза сразу – и он сразу же позволил себе поверить в очевидное. Странная женщина – значит, ведьма. Слишком привлекательна – ведьма вдвойне. Если только она не сама спланировала этот выстрел (безумие! Если бы не она, арбалетный болт достиг бы своей цели!), то она – просто необычная женщина. А настоящая ведьма ходит где-то по замку, прячется за невинным обликом, может, прислуживает королю за обедом или скоблит полы. И он ни на шаг не приблизился к её поиску.

Чёртов слепец!

Он выдохнул. Пора было переходить к серьёзным мерам – с которых нужно было и начинать. Проверить всех. Перетрясти весь замок, от подвалов до верхних башен. Провести обыск в покоях гостей и их слуг. Тихо обыскать город. Собрать всё, что хотя бы косвенно указывает на магию. Все книги, все странные предметы. И...

Перехватив руку леди Харроу здоровой рукой, он помог ей сесть в карету.

И не делать никаких поспешных выводов. Ни за, ни против. Не позволить себе никого исключить из списка подозреваемых.

Следуя за каретой верхом, он проводил леди до дома, проследил, как слуга подаёт ей руку и помогает выйти, и только после этого развернулся и собрался было уезжать, но был остановлен её громким, даже слишком:

– Милорд!

Он придержал коня. Она подошла к нему, запрокинула голову, но ничего не сказала. Отступила.

– Я благодарю вас за спасение, леди Харроу, – произнёс он, так и не дождавшись её слов, а потом резко огрел коня хлыстом, сходу поднимая его в галоп.

В замке его ждали: Джил перехватил повод коня и протараторил:

– Милорд, вас ищет король, повсюду ищет! Он у себя.

Дойл хлопнул его по плечу и направился в личные покои короля. Замок был неожиданно оживлён и жужжал, как встревоженный пчелиный улей. Придворные болтуны о чём-то шептались, и по спине Дойла пробежали мурашки. Что-то произошло в его отсутствие. В то время, как безумец – или чей-то верный исполнитель, – пытался его убить, в замке случилось что-то важное.

К королю его пропустили немедленно. В широкой полукруглой комнате возле жарко растопленного камина сидела королева. Эйрих ходил из стороны в сторону. Увидев его, он обернулся – и широко улыбнулся. Дойл не успел ни о чём спросить, как оказался в объятиях брата.

– Наконец-то!

– В чем дело? – спросил Дойл.

– Ты всё утро отсутствовал, брат, поэтому новость пришлось сообщать без тебя. Но теперь ты можешь присоединиться ко всеобщему ликованию.

Эйрих подмигнул и сообщил:

– У нас будет наследник.

## Глава 8

В эту ночь его снова мучили неприятные сны – он подскочил на влажных липких простынях, когда за окном ещё была непроглядная темнота. Тяжело выдохнул, восстанавливая сбившееся дыхание, и хрипло крикнул:

– Мальчишка!

Джил появился почти сразу, хотя и в одних кальсонах, попутно натягивая на тощую грудь рубаху.

– Милорд, вы здоровы?

Дойл поднялся с постели и велел:

– Поддай одеться. В тёмное. И соберись.

По лицу мальчишки прошла едва заметная тень, но он не спросил, куда хозяина понесло в столь ранний час, а споро вытащил из сундука чёрный костюм, сапоги и плащ и помог Дойлу переодеться. Сам тоже быстро оделся и даже догадался захватить накидку с глубоким капюшоном.

Дойл сделал ему знак следовать за собой и вышел из покоев. Замок спал – во всяком случае, эта, удалённая от короля и королевы часть. Стражи видно не было, но Дойл чувствовал затылком, что в сводчатых переходах кроются тени. Джил позади задышал чаще.

Они прошли по тихому коридору, ступая так осторожно, что шаги не порождали эха, по узкой лестнице спустились вниз. В дверях охрана, разумеется, была, но походка и фигура Дойла были слишком узнаваемы, чтобы кто-то рискнул окликнуть его или спросить, куда и зачем он идёт.

На это отважился слуга: когда они миновали замковые ворота и вышли в город, он шёпотом уточнил:

– Милорд, куда мы идём?

– По делу, – отрезал Дойл и пошёл по дороге, которую знал очень, даже слишком хорошо.

Столица, древний Шеан, нынешние стены которого были возведены более пятисот лет назад на фундаменте Старого города, не была красивой. На самом деле, её едва-едва можно было назвать выносимой. Она собирала в своих стенах так много людей, что походила на гнойный нарыв, готовый вот-вот лопнуть, явив миру своё вопиюще уродливое содержимое.

Королевский замок возвышался над ней тяжёлой неприступной громадой, а к его стенам навозными мухами липли особнячки милордов, желавших быть ближе ко двору и ловящих на лету подачки Эйриха. Торговые площади растекались человеческими болотами – смрадными и затягивающими. А святейшие дома выглядели нелепо: слишком белоснежные и чистые для Шеана.

Но Дойл столицу, пожалуй, любил или, по крайней мере, ценил – за то, что знал в ней каждый угол и каждый поворот. Ребёнком он часто смотрел на неё сверху, из башни, куда его часто отсылала мать в наказание за дерзость и резкий нрав. Став старше, он то один, то вместе с Эйрихом сбегал из замка и ходил по узким улицам, тонул иногда по колено в помоях, текущих по брусчатке, заглядывал в окна домов.

Иногда в нём узнавали младшего принца – и тогда кланялись, скаля зубы. Но чаще принимали за калеку-побирушку – в этом случае ему в спину летели комья земли и камни в сопровождении проклятий.

Именно здесь, на одной из улиц Шеана он впервые своей рукой оборвал человеческую жизнь. Старик разлил его насмешками и оскорблениями, и он вышел из себя. Кинжал проткнул мягкую плоть быстрее, чем Дойл сообразил, что делает. Старик умер сразу, и он был вынужден уйти – и побыстрее, чтобы никто не увидел его. Конечно, ему, принцу, смерть старикашки сошла бы с рук. Но за такую выходку родители наверняка отослали бы его дальше,

чем обитель тёмных сил, а тогда Дойл ещё очень боялся ссылки, боялся расстаться надолго с Эйрихом, оказаться среди незнакомых, чужих и враждебных людей. Отойдя на добрых три сотни шагов от трупа, Дойл согнулся пополам, и его начало рвать от страха и отвращения и к себе, и к убитому. И руки у него тряслись, и зубы стучали. Зато спустя два года, оказавшись впервые в бою, он напугал ветеранов своим спокойствием, а двоюродный дядя, покойный брат ныне тоже уже покойного лорда Гая, сказал: «Недобрые силы тебя зачали, Торден, не в обиду твоему отцу. И кровь у тебя как у выходцев оттуда – стылая».

Свернув в почти незаметный проулок, Дойл остановился возле непримечательной двери и постучал. Джил сзади затаил дыхание.

Открыли сразу – рослый детина в красных длинных штанах, без рубахи, прищурился, сжимая гигантские кулаки, но Дойл сбросил капюшон, и детина тут же согнулся в поклоне.

– Ваша милость, какая честь для нас.

– Позови хозяйку, – Дойл уронил ему на ладонь мелкую монету и вошёл внутрь.

Просторная гостиная с широкими низкими скамьями, освещённая множеством чадающих свечей в простых канделябрах, выглядела, пожалуй, rispetабельно – как какой-нибудь гостевой дом. Но, разумеется, все клиенты знали истинное назначение заведения, которым заправляла женщина, чье родовое имя, если оно у неё и было когда-то, давно забылось и сократилось до нейтрального мадам Зи.

– Милорд! – раздалось сзади полузадушенное. – Это же...

Джил не нашёл слова, которое подошло бы для этого места, поэтому Дойл подсказал:

– Любовный дом. И неплохой.

Невзрачная девушка в наглухо закрытом платье забрала у него плащ, другая – такая же – поднесла кубок с вином. Дойл принялся и протянул его Джилу. Тот сделал несколько глотков, после чего Дойл осушил кубок.

Любовный дом стоял в этом проулке столько, сколько Дойл себя помнил. Его нынешняя хозяйка десять лет назад была хорошенькой улыбчивой женщиной, на которую засматривались мужчины. Сейчас она поседела, её кожа пожелтела и сморщилась, но она по-прежнему улыбалась, разве что старалась поменьше сверкать зубами, чтобы скрыть дырку вместо правого клыка. Зато её платье было великолепно и, в отличие от платьев тех девушек, которые не были готовы услуживать гостям сверх своих обязанностей, открывало грудь почти до середины. Учитывая возраст, это было не самое привлекательное зрелище. К счастью, Дойл точно знал, что у неё есть что предложить.

Она спустилась со второго этажа и сразу же присела перед Дойлом в низком реверансе, поцеловала его руку, а поднявшись, улыбнулась:

– Милорд, вы у нас теперь нечастый гость. И оттого ещё более желанный. Чем вам услужить?

Дойл не посещал любовный дом уже давно: последний раз он был здесь года полтора назад. Продажная любовь надоела ему до смерти – казалось, он в жизни больше не коснётся шлюхи. Но в последнее время напряжение было слишком велико. Заговоры, мятежи, покушения и, в конце концов, леди Харроу, снова снившаяся ему этой ночью, истожили его выдержку. Едва ли он мог рассчитывать на искреннее внимание какой-нибудь не слишком обременённой моралью дамочки из придворных. И уж конечно, ему не следовало даже мысли допускать о близости с утончённой леди Харроу. Поэтому рецепт микстуры был прост и примитивен.

– Найдите мне рыжую, мадам Зи.

Лицо хозяйки сморщилось в слишком широкой улыбке, глаза сузились.

– У меня одна такая.

Дойл отвязал от пояса кошель и сунул его мадам Зи целиком. Её пальцы сквозь кожу кошеля пересчитали монеты, а вокруг глаз глубже прежнего проявились морщинки-лучики: она была довольна полученной суммой.

– Милорд, какие будут распоряжения относительно вашего спутника?

Джил стоял посреди гостиной, хлопал глазами и выглядел откровенно забавно. Доыл чуть улыбнулся, показав зубы, и спросил:

– Поднимешься наверх к какой-нибудь девчонке?

Парень вздрогнул, его глаза широко раскрылись, и он затряс головой.

– Я подожду вас здесь, милорд.

– Тогда налейте ему чего-нибудь выпить, – велел Доыл и, не сдержавшись, прибавил: – Молока, например.

Джил покраснел до корней волос, а Доыл неспешно пошёл за мадам Зи наверх, где располагались спальни. Хозяйка отворила перед ним дверь угловой – самой богатой в этом доме, и шепнула:

– Располагайтесь, милорд.

Доыл ненадолго остался один. Эту комнату он знал: не раз бывал в ней. За прошедшее время поменялся только балдахин на старой деревянной кровати: бархат выглядел свежее и дороже. Отстегнув ножны, Доыл положил меч на пол, сел на табурет возле кровати, с трудом стянул сапоги. В комнате было тепло, даже душновато, поэтому он без колебаний начал развязывать шнуровку дублета, который был настолько стар, что растянулся по кривой фигуре хозяина и сидел как перчатка на руке.

Он остался в штанах и рубашке, когда в комнату вошла, затворив за собой дверь, рыжеволосая девица. Доыл окинул её внимательным взглядом и скрипнул зубами: жалкая пародия, едва ли подходящая для замены. Впрочем, он тут же одёрнул себя и напомнил, что пришёл не искать замену, в которой не было никакой нужды, а освободиться от душашего и мешающего спать желания, смешанного с раздражением. И эта девица – пышногрудая и широкобёдрая, отлично подходит.

Она широко призывно улыбнулась, демонстрируя полный набор здоровых белых зубов, и вдруг побледнела: Доыл пошевелился, и его горб стал заметен.

– Ваше Высочество, – пробормотала она невнятно.

– Милорд Доыл, – поправил он. – Этого более чем достаточно. Особенно для постели.

Отработанным движением она потянула за ленту на корсаже, и лиф платья сполз вниз, сбившись некрасивым комом на талии и обнажив полные груди с большими грубыми сосками, даже отдалённо не похожими на те, которые ему снились. Широкие плечи и эти груди отчётливо выдавали в девице простолюдинку. Профессия избавила её от необходимости пахать и сеять, но кровь брала своё.

Почти безразлично Доыл стянул с себя рубашку, бросил на девицу короткий взгляд и невольно почувствовал, что её отвращение возбуждает. Так было не всегда. Раньше – он хорошо помнил – всё желание пропадало начисто, едва он улавливал этот оттенок омерзения в женских глазах.

– Поверь, – сказал он спокойно, – моё уродство никак не влияет на то, что у меня в штанах.

Девица разделась окончательно, а Доыл понял, что так и не спросил её имени – но, в конечном счёте, оно его совершенно не интересовало.

Она была скучна, скучнее Святейшей книги. Но она была живой, двигалась, пахла женщиной, её водянисто-голубые глаза – такие же скучные, как она сама, – на какой-то миг подёрнулись плёнкой и увлажнились и даже стали напоминать другие – зелёные и как будто светящиеся изнутри.

Одевался Доыл в одиночестве: девица получила лишнюю монету за труды и была выставлена за дверь. Кажется, он подзабыл, почему прекратил посещать заведения, подобные дому мадам Зи: потому что его начало тошнить от продажных девиц и баб.

Пожалуй, только однажды он встречал женщину, которая воистину продавала наслаждение – брала дорого, но отдавала больше. Её привели к нему в последние месяцы войны в одном из гарнизонов под столицей Остеррада. И хотя у неё был на скуле лиловый синяк, а роскошные тёмно-каштановые волосы были опалены огнём, она держалась с таким достоинством, которому могла бы позавидовать королева. Её привели как пленницу, а она только дёрнула бровью и назвала цену за свои услуги.

– В противном случае, уважаемый синьор, – заявила она, – можете сношаться хоть со мной, хоть вот с тем кувшином – уверяю вас, разницы не заметите.

Он швырнул ей кошель с золотом, а наутро всерьёз задумался о том, чтобы забрать с собой после окончания войны. Не забрал: в тот же день её насквозь проткнуло стрелой.

Дойл мотнул головой, подтянул к себе сапог, но не надел и растянулся на кровати. Теперь, когда напряжение в паху не отвлекало, он мог серьёзно подумать о том, что произошло накануне, – и о том, что делать дальше.

Покушение. Не удавшееся только благодаря тому, что подозреваемая в колдовстве леди Харроу спасла ему жизнь. Сообщение Эйриха о том, что его жена в бремени. И разговор. Тяжёлый разговор.

– У нас будет наследник, – объявил Эйрих. – Королева ждёт ребёнка.

На мгновение Дойл опешил: он ожидал сообщения о катастрофе, о бунтах, чуме, нападении ведьм – но не о ребёнке. Но потом почувствовал, как на губах невольно появляется улыбка. Королева выглядела довольной и надутой, как жаба, но впервые показалась ему почти приятной. Он опустил на одно колено перед ней, не думая о боли, и произнёс:

– Пусть хранит вас Всевышний, Ваше Величество.

Королева сморщила востренький носик и прошипела:

– Вам не обмануть меня этой льстивой миной, милорд Дойл. Я почти уверена, что вы уже думаете, как бы подлить мне в вино полынь-травы, чтобы уничтожить драгоценный плод.

Дойл не отличался особой резвостью, но на ноги вскочил мгновенно, отшатнулся и спросил:

– Что вы имеете в виду, Ваше Величество?

Королева не успела ответить – Эйрих схватил её плечо и мягко попросил:

– Не говорите глупостей, моя королева. Вы знаете, что милорд Дойл – самый преданный наш сторонник, охраняющий наш с вами покой ежечасно.

Королева ощерилась в улыбке и ответила:

– Конечно, Ваше Величество. Простите, милорд. Верно, это из-за тяжести – мои мысли путаются. Пожалуй, мне стоит прилечь.

Она поднялась с видимым трудом, хотя на её тонкой талии, ещё больше утянутой цветными лентами, пока не наметилось хоть сколько-нибудь различимой округлости. Расторопный слуга кликнул придворных дам, и они увели королеву.

Дойл скрипнул зубами от злости. Он действительно ненавидел королеву – хотя, вот ирония, был одним из главных сторонников их с Эйрихом брака. За ней давали огромные земли к востоку, как раз между границами Стении и Эмирскими горами. Присоединив их к короне, Эйрих получил не только пахотные поля, но и месторождения серебра, алмазов – богатства, ради которых можно было бы жениться даже на старой кривой карге. Королева каргой не была. В некотором роде она даже была красивой – всё портили только склочный мерзкий нрав и невыносимая глупость.

– Прости её, брат, – повторил Эйрих, когда они остались одни.

– Она говорит только то, что думает вся страна, – дёрнул плечом Дойл. – Ничего больше. И знаешь, возможно, тебе стоит прислушаться к ним.

– Чепуха, – Эйрих рубанул ладонью по воздуху, потом подтянул к себе кувшин с вином, плеснул в кубок и хотел было отпить, но Дойл его остановил и сначала сам сделал несколько глотков. Король улыбнулся: – Говорю же, что чепуха. Если бы не ты...

Он не закончил, но они оба знали, о чём речь. Дойл спасал Эйриху жизнь как минимум трижды за время войны и бессчётное число раз за время мирной жизни.

– Если бы не я, большинства этих покушений не было бы, – отозвался Дойл. – Люди ненавидят меня. А за меня – тебя.

– Ты – причина, по которой люди не голодают сейчас. Твои, а не мои реформы дали людям хлеб.

Дойл тоже налил себе вина и облокотился плечом о стену. Кому какое дело было до его реформ, его идей и его побед. Достаточно было того, что на улице старухи шептались, будто в ночь его рождения бушевала буря, молния ударила в шпиль замка – и на землю пришло само Зло, но Всевышний не позволил ему скрыться среди обычных людей, наградив уродством без меры.

– Отпусти меня на север, – сказал он вслух. – Дай в подчинение северный гарнизон Креггот и замок Коготь. Я наведу порядок в землях вольных лордов, прекращу раз и навсегда набеги дикарей из-за гор, а заодно не буду мозолить здесь никому глаза.

Только бы ведьму поймать – и можно ехать. С угрозами от людей справится и Рикон.

– Мы уже говорили об этом. Мой ответ прежний – нет. Ты нужен мне здесь, брат.

– Не нужен. Тебе нужна любовь подданных – это лучший рецепт против заговоров и интриг. А у тебя каждый второй милорд совета думает о том, как бы меня поэффективнее прикончить. Я уверен... если я уеду отсюда, твоя жизнь и жизнь твоего наследника будет в куда большей безопасности.

– Хватит, – голос Эйриха вдруг стал твёрдым и жёстким, а сам он чертами и поставом головы неувлимо напомнил отца, – я требую, чтобы вы прекратили этот разговор, принц Торден.

Эйрих нечасто называл его так.

– Слушаюсь, – ответил он, – мой король.

Эйрих улыбнулся – и сходство с отцом пропало.

– Выпей со мной за будущее нашего рода, Дойл. За моего наследника.

Дойл поднял кубок и осушил его до дна. Эйрих тоже выпил, а потом спросил:

– Что ты выяснил о леди Харроу?

– Ты хочешь поговорить о её несомненных женских достоинствах?

– Нет, о твоих подозрениях.

Когда Эйрих этого желал, он мог быть крайне пронизательным.

– И не думай, что я поверил, будто ты очарован ею. Прости, брат, но я убеждён, что женщину, которая покорит твоё сердце, ты просто выкрадешь из родного дома и утащишь к себе в покои, а не станешь приглашать на прогулки.

– Я не варвар, – Дойл ухмыльнулся, – но, возможно, ты прав. Я действительно подозревал её... Однако сейчас эти подозрения не важны. Тебе уже сообщили...

– Что в тебя стрелял человек из гарнизона Шеана? Да. И я желал бы знать, почему он это сделал.

– Узнаешь.

Дойл хотел было пойти в темницу сразу же – чтобы не заставлять стрелка Тони Райта ждать, – но разговор с королём (а особенно короткий обмен репликами с королевой) разозлил его. После ночи, полной мутных сновидений, после покушения и после встречи с леди Харроу, Дойл чувствовал себя слишком разбитым. А злость, бессонница, усталость и волнение – худшие советчики при допросе.

Зато теперь, отдохнув немного, он мог заняться самым актуальным из имеющихся дел – поиском ответа на вопрос: кто и зачем хотел его убить, если только Тони Райт – не спятивший фанатик.

## Глава 9

Подземелье замка было выморожено насквозь: от дыхания в воздухе повисали облачка пара. Ноздри щипало.

Дойл повёл плечом и неспешно спустился вниз. По раннему времени он не ожидал застать в темнице никого, кроме смены охраны, но ошибся: ему навстречу вышел, сгибаясь в поклоне, Рикон.

– Милорд сегодня плохо спал? – спросил он.

– Милорд не спал вовсе, – отмахнулся Дойл. – А тебя что принесло сюда?

– Я осмелился задать несколько вопросов человеку, который стрелял в милорда.

«Задать несколько вопросов» на языке Рикона обычно означало «переломать все кости, встряхивая правду», поэтому Дойл напрягся. Но Рикон его сразу же успокоил:

– Мне передали указания милорда. Райта не подвергали... интенсивным методам поиска истины.

– Проводи, – сказал Дойл и, вопреки этому, первым пошёл к красной камере. Она пока была пуста. По знаку Дойла, её отперли, внутрь занесли массивный деревянный стол, бочку воды и жаровню. В ней раскаляли клещи и прочие инструменты для того, что отец Рикон деликатно называл «поиском истины», но Дойл сразу же велел поставить её поближе к столу и сел так, чтобы почти прикоснуться к её горячему боку больной ногой.

Райта приволокли – его ещё не допрашивали, но уже как следует избили. У него заплыл глаз, на щеках воспалились кровавые следы ударов чем-то тяжёлым – наверное, железной перчаткой.

– Оставьте, – велел Дойл, когда Райта начали приковывать к стене.

Он часто так делал – оставлял подозреваемому видимость свободы, хотя бы такую жалкую, как отсутствие кандалов. Это мешало особо упрямым идти на принцип и сопротивляться до последнего – хотя бы потому что они в глубине души понимали: каким бы страшным ни был допрос, всё может стать ещё хуже.

Райт поднял голову и посмотрел, но без того вызова во взгляде, который так разозлил Дойла. Сейчас это был взгляд напуганного и уставшего человека – никакой звериной ярости.

– Итак, – произнёс Дойл, разглядывая Райта, который пытался встать на трясущихся ногах, – Тони Райт, замковая стража. Успешно показал себя в последней военной кампании, после этого два года служил королю Эйриху в Шеане. А вчера совершенно нелепым способом попытался застрелить меня из арбалета. Зачем, Райт?

Райт выдохнул и проговорил как по-заученному:

– Вам всё равно не понять. Отрубите мне голову – и дело с концом. Вы – отродье тёмных сил. Надо было вас попробовать пристрелить.

Дойл облизнул губы и рассмеялся:

– Прости, Райт, – сказал Дойл, напрягаясь и вставая с места, – но это звучит совсем неубедительно. Ну же, ты устал, тебе больно. Достоверности ни на грош. Зачем ты в меня стрелял?

Несколько мгновений Райт стоял, выпрямившись и почти на голову возвышаясь над Дойлом, а потом повалился на колени и закрыл лицо руками. Его плечи затряслись, и он сумел выдавить:

– Милорд, они заставили меня.

Дойл прислонился к столу, сложил руки на груди и принялся ждать. Лжёт он или говорит правду – будет видно. Но это звучало интересно и, пожалуй, опасно. Не было ничего хуже покушений, за которыми стояли какие-нибудь «они».

Райту понадобилась минута, чтобы отнять от лица руки и заговорить – быстро, срывающимся голосом:

– Они угрожали мне, угрожали моей жене. Я хотел... помешать, но они не оставили мне выбора. Я должен был убить вас – ради жены и сына.

Из его рассказа складывалась не слишком привлекательная картина. Некие «они» отлично знали, где именно живёт семья Райта, знали, какими путями ходит его жена, более того, однажды без ключа открыли дверь его дома. Они подловили его вечером, когда он возвращался из караула.

– У меня не было выбора, – повторил Райт.

– Угрожали жене... – протянул Дойл. До сих пор он думал, что этот выстрел – работа одиночки. Но если нет – значит, ведьмы повторяются. Того парня, Ивена, они подкупили обещанием вылечить сестру, Райта шантажировали жизнью жены. Весьма похожие схемы.

– Милорд, – подал голос Рик, – вы считаете оправданным поверить его словам?

Дойл вздохнул, взглянул на сильные здоровые руки бывшего военного и сказал:

– Запишите его показания после первого круга. Потом принесёте мне.

Райт тихо вскрикнул – не от боли, а от страха перед ней.

– Вы желаете присутствовать?

– Нет, – не глядя ни на Рикона, ни на Райта, Дойл вышел из камеры и поковылял наверх. Он за свою жизнь видел такое количество пыток, что давно привык к их виду, но именно взгляд Райта и его тихое сбивчивое признание – почти наверняка правдивое – заставило его вспомнить, как однажды он сам стоял на том месте, напротив палача.

Это был первый год войны с Остеррадом. Войска Стении во главе с блистательным Эйрихом сумели переломить наступление и, дав масштабную битву у реки Аны в двух днях пути от Шеана, погнали армии Остеррада обратно к границам.

Дойл командовал правым флангом, и в какой-то момент вместе с передовым отрядом вырвался слишком далеко вперёд. Остеррад расступился перед ним, как воды, и сомкнулся над головой. Из его отряда – сорока отличный воинов – не выжил никто. Дойл был уверен, что тоже погибнет, но был готов продать свою жизнь очень дорого. Когда под ним убили коня и он, повалившись, еле сумел обрести равновесие, стало ясно, что бой окончен. Пеший, он не мог сражаться с таким числом противников: в любой момент проклятая нога могла подвести. Но бросать оружие он не собирался. Меч у него выбили.

А потом оглушили, увернувшись от его кинжала и подойдя со стороны увечной руки.

Очнулся Дойл в телеге, крепко связанным. Всё тело болело так, словно его пинали сапогами с коваными мысами. Голова гудела. Возможно, немного придя в себя, Дойл попытался бы бежать, но не успел: телега остановилась, его вытащили на землю и поволокли к богатому походному шатру, а там – бросили к ногам короля Фрейна Светлейшего.

Дойл резко мотнул головой, прогоняя прочь воспоминания: второй день его мучили мысли, которых он предпочитал избегать. Не стоило думать о Фрейне. Единственное, что имело значение, – это приход Эйриха. Эйрих вытащил его оттуда. А через год Дойл лично, и не без удовольствия, насадил башку Фрейна на острую пику посреди Остеррада.

– Мальчишка! – крикнул Дойл, заходя в свои комнаты.

Джил высунул голову из-за сундука с одеждой.

– Подай одеться. Только что-нибудь...

Дойл не договорил, потому что Джил извлёк из сундука светлый камзол с золотой оторочкой. Однозначно, он был не так бестолков, как казался с виду.

Одевшись и выпив залпом кружку воды, Дойл отправился на одно из самых необходимых, но в то же время одно из самых неприятных государственных мероприятий – на заседание Королевского совета лордов. Раз в неделю милорды, которым король оказал особое доверие, собирались на совет, где обсуждали дела и проблемы государства. Дойл присутствовал

на каждом – кроме тех, которые пропускал, занимаясь делами за пределами столицы. Именно на одном из таких советов он впервые нажил себе одновременно десятерых врагов, не позволив ввести оправданный, но слишком опасный двойной налог на хлеб и буквально вырвав у милордов их доход.

Сегодня он планировал поднять не менее неприятную для зажавшихся сиятельных свиной тему, связанную с чеканкой монеты, но дело ведьм заставило его отложить этот вопрос: ему было необходимо королевское разрешение на масштабный обыск у всех, кто покажется подозрительным, включая милордов, главу церкви Всевышнего и королеву. И это разрешение должно было быть услышано милордами – чтобы никто не рискнул оказать сопротивление.

Вышеупомянутые милорды были уже в сборе и как-то непривычно оживлены: возбуждённо похрюкивали, переговариваясь и потирая потные жирные ладони. Когда Дойл вошёл, разговоры стихли. Он кивнул всем сразу и прошёл на своё место по правую руку от королевского трона, пока ещё пустого.

– Милорд, – подал голос милорд Ойстер, – мы счастливы видеть вас в добром здравии.

Дойл впился в него взглядом и даже позволил себе усомниться: что если не загадочные ведьмы, а кто-то из этой хрюкающей стаи, рвущейся к кормушке власти, подослал к нему Райта? Он оглядел их внимательно, но не увидел ничего, кроме обычной жадности.

– Взаимно, милорд Ойстер, – ответил Дойл. Он не сомневался, что новость о покушении на него уже разошлась достаточно широко, как не сомневался и в том, что минимум половина лордов совета опечалена неудачей Райта.

Со стуком распахнулись задние двери, и в кабинет вошёл король – он был без парадного облачения, но его голову венчала золотая корона, усыпанная рубинами и изумрудами и украшенная крупным бриллиантом, чистым, как капля родниковой воды. Над центральным зубцом, держа бриллиант золотыми когтями, распахнул крылья царственный орёл.

Король остановился возле трона, и милорды – кроме Дойла, который даже из большого уважения к брату не собирался прыгать вверх-вниз, – поднялись со своих мест и поклонились.

– Приветствуем вас, милорды, – произнёс Эйрих и мягким движением руки разрешил всем занять свои места. – Мы рады видеть вас за столом Королевского совета. Особенно мы рады вам, любезный брат: мы были бы глубоко опечалены, если бы чёрный замысел злодеев увенчался успехом.

– Благодарю вас за заботу, Ваше Величество, – негромко ответил Дойл.

– Мы хотели бы быть уверены, что виновные понесут соответствующее наказание.

Губы Дойла дрогнули – не держи он себя в руках так хорошо, непременно улыбнулся бы. Эйрих предоставил ему блестящую возможность озвучить свою просьбу.

– Ваше Величество, разрешите просить вас... – начал он, и Эйрих тут же сказал:

– Мы не будем сомневаться, когда речь идёт о вашей жизни.

Милорды замерли – кажется, даже дышать забыли.

– Сир, человек, стрелявший в меня, признался, что действовал по приказу ведьм. Я прошу вас о разрешении провести обыск – в тех домах, в которых я сочту нужным. Если ведьмы попытались убить меня один раз, они сделают это снова. И, кто знает, не выберут ли они иную цель.

Брови Эйриха сошлись к переносице.

Кашлянул милорд Эск. Тихо сказал, как будто себе:

– Как жить спокойно в стране, где в любой момент к тебе в дом могут вломиться, ища неведомо что?

– Возможно, милорд, вам есть что скрывать? – так же тихо спросил Дойл.

Эск побледнел, но оправдываться не начал, только провёл рукой по короткой седой бороде.

– Обыск в домах лучших людей столицы, – произнёс король, – это не лучшее, что может одобрить монарх. Но мы не отступаемся от своих слов: если это нужно, мы даём разрешение.

Дойл откинулся на спинку стула и прикрыл глаза: на сегодня он получил то, что мог.

По одному начали выступать милорды. Ещё немного поговорили об обыске, потом перешли к своим делам: к налогам, военным учениям и будущим пирушкам. Дойл слушал их вполуха, но мало что пропускал: если бы какая-то из идей показалась бы ему опасной, он сумел бы отговорить от неё Эйриха. Но в этот раз милорды были скромны и даже скучны. Никто не просил новых статусов для своих земель, никто не желал поднять налог на торговлю с Остеррадом и даже никто не жаловался на жестокость Дойла, так сурово расправившегося с мятежом на севере.

В тот момент, когда милорд Ойстер закончил свой пространный монолог о ветшании благородного сословия, Эйрих хлопнул ладонью по столу и объявил совет на сегодня закрытым. И только когда члены совета разошлись, Эйрих снял с головы корону, положил на стол, потёр лоб и спросил:

– Ты уверен, что это необходимо? Я тебя знаю, ты перетряхнёшь весь город, включая святейшие дома, особняки милордов и даже... – он улыбнулся, – дом этой леди Харроу.

Дойл не вернул ему улыбку и серьёзно сказал:

– Я начну с особняков милордов и дома леди Харроу. Мне не нравится то, что происходит. Особенно...

Он не договорил, но Эйрих понял: особенно сейчас, когда королева ожидает наследника.

– Скоро Большая охота, – произнёс Эйрих задумчиво.

– Отмени. Ты уедешь, королева останется здесь, а я не смогу разорваться и защищать вас обоих, – Дойл совершенно забыл об охоте, и она была очень не вовремя.

– Не могу. Это священный праздник, если я отменю его – пойдут нехорошие толки. К тому же... Вне стен замка я неплохо постою за себя сам, а ты присмотришь за королевой, – Эйрих коснулся его плеча, – или мы поедем все втроём. Я не прятался даже во время войны, когда враг был близко. Не буду и сейчас.

Всё, что Дойлу оставалось, – это согласиться: у него не было никаких доказательств, способных удержать брата в замке. Значит, нужно было разобраться с ведьмами до того, как начнётся Большая охота: в ближайший месяц.

С этими мыслями он начал формировать группы обыска. Первая из них должна была сегодня же обыскать дом леди Харроу. Меньше чем за час до выхода Дойл решил возглавить её лично.

## Глава 10

В прошлый раз в доме леди Харроу он был как гость, пусть и неожиданный, и хозяйка встречала его учтивой улыбкой. Комната была очень светлой, а на стены отбрасывала блики драгоценная эмирская ваза.

В этот раз ставни были закрыты и задрапированы широкими синими шторами, темнота едва разгонялась едкими жёлтыми свечами в резных канделябрах. И леди Харроу, затаенная всё в тот же вдовий наряд, смотрела зло.

– Леди Харроу, – произнёс Дойл, входя первым и заводя за собой четверых мужчин в тёмных одеждах – тени сменили свои костюмы с масками и выглядели почти как обычная охрана, только телосложение их выдавало: гибкие и невысокие, как на подбор. – Приношу вам своё извинение за вторжение, но мы вынуждены обыскать ваш дом на предмет запрещённых магических предметов.

Её небольшой рот дёрнулся и побелел так явственно, что это было видно даже в жёлтом свете. Глаза блеснули.

– Ваше внимание к моей персоне, милорд Дойл, настолько велико, – сказала она медленно, – что вызывает недоумение.

Дойл отвернулся и велел теньям:

– Осмотреть дом. Без разрушений и хамства, но максимально тщательно. Всё подозрительное – ко мне, – и только когда они рассредоточились по дому, повернулся к леди Харроу.

Сейчас она мало походила на ведьму: просто рассерженная и уставшая за день женщина, не слишком красивая. Может, Дойл убеждал себя в этом: ему хотелось бы, чтобы она оказалась обычной. Сейчас, глядя на неё, он не желал даже думать о том, что будет делать, если тени что-нибудь найдут. Схватит её за роскошные рыжие кудри, повалит на пол и прикажет связать? Будет пытаться в красной камере? Отправит на костёр?

При мысли об этом на языке стало горчить. Он ответил мягче, чем собирался и чем когда-либо отвечал подозреваемым:

– Не переживайте, леди Харроу. Это необходимая мера.

Она подошла к столу, взяла колокольчик и позвонила дважды. Пришёл слуга и по её приказу принёс ещё свечей, разгоняя мрак. Она оперлась рукой о столик, коснулась пальцами вазы и спросила:

– Вы всегда обыскиваете женщин, которые вас привлекают, милорд Дойл?

У него невольно дёрнулась щека. Её слова прозвучали бы достаточно оскорбительно и даже вызывающе, если бы не были сказаны так спокойно.

– Обратная зависимость, леди, – отозвался он.

– И могу я узнать, чем именно я... – кажется, она колебалась, выбирая между «привлекла внимание» и «вызвала подозрение», но не сумела определиться и ничего не сказала.

Дойл осторожно переступил с ноги на ногу, оценивая её сомнительное гостеприимство – присесть она ему не предложила. Как глава королевской тайной службы в доме у подозреваемой он, конечно, мог бы позволить себе любую грубость и уж конечно мог бы потребовать стул. Но перед леди Харроу ему не хотелось выглядеть ни грубым, ни тем более слабым. Поэтому он постарался сместить весь вес на здоровую ногу и ответил на её не заданный до конца вопрос:

– В столице беспокойно, леди Харроу. Вчера...

Она вскинула голову и спросила:

– Вы хотите сказать о том, что в вас стреляли?

Она снова не закончила мысль, но это было и не нужно: Дойл отлично помнил, что она спасла его если и не от смерти, то от очень опасной раны.

– Это только кусочек, звено длинной цепи. И пока я её не увижу целиком, я не буду иметь право на пристрастность.

– Присядем? – она указала на низкую деревянную скамью с высокой спинкой и несколькими подушками.

Дойл отказываться не стал, тем более что от стояния неподвижно нога начала ныть нещадно, и, покачнувшись, сел первым. Леди Харроу опустилась на другом краю, чинно сложив руки на коленях.

И почти сразу же сверху спустился один из теней, неся перед собой какой-то предмет, завернутый в грубый кусок холстины.

– Что там?

– Милорд, вам стоит взглянуть.

Дойл забрал предмет и развернул холстину. Тень снова вернулся к обыску наверху.

– Как вы объясните это, леди Харроу? – холодно спросил Дойл.

Он держал в руках ящичек, наполненный несколькими связками остро пахнущих высушенных трав. Дойл узнал горчину, зелен-цвет и лаванду.

– Это мои травы, – ответила женщина так, словно в её доме нашли Святейшую книгу, а не ящик трав. – Ничего волшебного в них нет – обычные лекарства. Мой лекарь – я говорила вам о нём – дал мне их с собой в столицу.

– Зачем? – Дойл наклонился так, чтобы поймать её взгляд.

– В качестве лекарств, как ни удивительно, – отрезала она.

Дойл снова перебрал связки. Он не хотел видеть этот проклятый ящик. Но видел – и нужно было что-то с ним делать.

– Леди Харроу, если бы я просто зашёл к вам побеседовать, ваш ответ был бы удовлетворителен, а мой вопрос – груб. Но я выполняю распоряжение короля. И от его имени требую объяснить мне назначение каждого из этих...

– Веников? – её взгляд стал не просто злым, а разъярённым. Она властно переставила шкатулку с его колен на подушку и вытащила первый пучок – горчину. – Это, милорд, от жара и простуд. Это, – на свет была извлечена зелен-трава, – от ран и порезов. Это, – лаванда, – для спокойных снов. Вас это также касается, милорд? Могу сообщить, что плохо сплю.

Она произносила каждое слово с таким видом, словно давала пощёчины. Глотнув воздуха, она продолжила как будто с наслаждением:

– Эти цветы называются польний и помогают при женских болях. А эта трава – вам, милорд, она неизвестна – дана моим лекарем на тот случай, если я пожелаю быть с мужчиной, но захочу избежать бремени.

Крышка ящичка со стуком захлопнулась. Дойл впился в ладонь короткими ногтями, но нашёл в себе силы сказать:

– Благодарю за пояснение.

Ящичек так и стоял на подушке – и Дойлу казалось, что от него исходит не тяжеловатый травяной запах, а едкая отравляющая вонь. Он неосознанно опустил руку и коснулся рукояти меча.

– Тот человек... – проговорила леди Харроу, – который стрелял в вас, вы же арестовали его?

– Разумеется. Хотите за него заступиться?

– Я хотела узнать о его судьбе, – она отвернулась в сторону. Дойлу осталось смотреть на её белую шею с рыжими завитками волос.

– После допроса, когда он назовёт имена своих сообщников, его судьбу будет решать король. Вероятно, его ждёт казнь путём отрубания конечностей.

Шея покраснела.

– Это чудовищно.

– Предлагаете отпустить его на волю? Простите, но я не испытываю желания быть милосердным в отношении своего несостоявшегося убийцы и точно не стану просить за него перед королём.

Леди Харроу повернулась и легко встала со скамьи.

– Чудовищно то, что из смерти делают потеху. Что бы ни сделал этот парень, он не заслуживает того, чтобы его убивали посреди рыночной площади под визг и хохот черни.

Дойл тоже поднялся и увидел, что у неё дрожат губы. Слишком сильно для человека, который просто рассуждает. Но откуда у хорошенькой вдовы старика Харроу такие мысли? Что она видела? Дойл помнил – она упоминала о войне. Остеррад прошёл по землям Харроу дважды, а потом дважды по ним прошла освободительная армия Стении. Так легко было предположить, что она насмотрелась на то, что творили солдаты в деревнях и ни о чём не спрашивать. Но Дойл никогда бы не простил себе такого малодушия и бездумной мягкотелости, поэтому спросил:

– Откуда у вас такие мысли?

– Они тоже преступны?

Дойл молчал почти минуту, прежде чем ответил:

– Нет. И вы не обязаны отвечать на этот мой вопрос – он задан из любопытства и желания узнать вас.

– И его задал милорд Дойл, а не глава тайной службы? – губы леди Харроу дрогнули в намёке на улыбку.

Дойл кивнул.

Леди Харроу снова села на скамью и произнесла:

– И милорду Дойлу я могу ответить...

Что именно она хотела сказать, Дойл не узнал: сверху снова спустились тени, на этот раз – с целым мешком.

– Поставьте здесь и осмотрите подвал и людские, – велел Дойл и, когда они снова остались вдвоём, раскрыл мешок.

– Увы, – леди Харроу тихо вздохнула, – вернулся глава тайной службы, а при нём я говорить не могу.

Дойл бросил на неё быстрый взгляд, чтобы убедиться в том, что не ослышался: это действительно была шутка. Добрая и, пожалуй, достаточно остроумная – явно не из тех, которые обычно ему адресовали женщины.

– Вы продолжите, когда он нас оставит, – сказал он и вытащил из мешка первый предмет.

Рассмотрел внимательно и, хмыкнув, положил на скамью – обычное зеркало в черепаховой оправе, снова эмирской работы – но едва ли волшебное.

Потом на свет был извлечён небольшой золочёный трезубец, который привлёк внимание Дойла, когда он впервые увидел леди Харроу. Тогда он не мог рассмотреть прибор, но теперь изучил его внимательно. Все три зубца были хорошо заточены – не хуже ножа.

– Что это за вещь, леди?

– Вилка. Её используют в Эмире, когда не хотят запачкать руки о пищу.

– Когда я перестану подозревать вас в колдовстве, – задумчиво произнёс он, – я обязательно начну подозревать вас в шпионаже в пользу Эмира. Ваза, это зеркало, теперь – вилка.

Леди Харроу ничего не ответила, и Дойл продолжил изучать найденные тенями улики, которые на улики, очевидно, походили не сильно. Надо совсем отчаяться, чтобы арестовать человека за хранение подобных вещей.

Были книги: сборники поэзии, естественные в женской библиотеке Святейшая книга и роман о подвигах, а также трактат «Анатомикон или человека описание», который был весьма неожидан; несколько томов эмирских сказок и древних легенд. Были украшения. Птичьи перья – леди Харроу показала детские игрушки, которые иногда собирает из них. И на этом – всё.

Гостиную тоже обыскали, причём очень тщательно: с простукиванием стен и полов. Наконец, тени объявили, что больше ничего подозрительного в доме нет. Дойл повернулся к леди Харроу и сказал тихо:

– Леди, глава тайной службы короля удаляется.

– А что милорд Дойл?

– Он рад, что подозрения в ваш адрес были напрасными. Теперь позвольте пожелать вам хорошего вечера, – он поклонился настолько, насколько позволяла спина, и последовал за теньями, не дожидаясь её ответа.

## Глава 11

Следующий месяц не прошёл – промчался галопом, принеся с собой бесконечные обыски и допросы. Дойл обещал перевернуть город вверх дном – и он это сделал. Комната, куда он складывал изъятые запрещённые предметы, была забита почти до потолка, подземелье наполнилось бедняками и лордами, одинаково лепечущими оправдания, но настоящая ведьма ускользала.

Дойл был в ярости. И не только потому, что ничего и никого не нашёл, но и потому, что не уложился в отведённый самому себе срок: наступала Большая охота, и отговорить от неё Эйриха было невозможно.

– Брось, брат, ты становишься похож на сумасшедшего охотника на ведьм, – сказал ему Эйрих за неделю до выезда. – Твоя ведьма, должно быть, уже убралась из столицы. Или влюбилась здесь в какого-нибудь лорда и сейчас занята не кознями, а...

Король не договорил, только подмигнул. Дойл махнул рукой:

– Хорошо, что ты всё ещё шутишь.

Чем ближе была охота, тем больше Дойл укреплялся в мысли, что она не пройдёт гладко. Действительно, в замке, в столице король под надёжной охраной, тогда как в лесу он станет значительно более уязвим. Поэтому когда Эйрих спросил, едет ли он, Дойл однозначно ответил:

– Разумеется.

Эйрих кивнул и уточнил:

– А королева?

Он был готов рисковать своей жизнью, но вряд ли поставил бы под удар жизнь своего ещё не рождённого ребёнка.

Вопрос с королевой волновал и Дойла: он понятия не имел, что будет правильнее – взять её с собой и не спускать с неё и с Эйриха глаз или оставить в замке, под охраной Рикона. Наконец он сказал:

– Полагаю, королеве в её положении не пойдёт на пользу долгая дорога и тяготы походной жизни.

Королеву было решено оставить. Узнав об этом, она кусалась и плевалась ядом, билась в истерику и даже пыталась (по словам теней) поколотить Эйриха маленькими, но жёсткими кулачками, но, кажется, этим ещё больше убедила его в верности принятого решения.

Отец Рикон тоже остался – охранять королеву и, главное, её утробу от врагов, ведьм и собственной королевской глупости.

– У меня есть две женщины, – задумчиво произнёс отец Рикон, узнав, чем ему предстоит заниматься, – благочестивые монахини из монастыря Святейшей Роши. Они обучены грамоте и этикету, неболтливы и некорыстолюбивы. Согласится ли милорд, чтобы я пригласил их в услужение Её Величеству?

– Если они надёжны – зови. Пусть глаз с неё не сводят, спят по очереди. И позаботься о том, чтобы тени всегда дежурили где-то поблизости.

Женщины выглядели внушительно: обе фигурами напоминали кормилиц, широколицые, с крупными мужицкими руками. Поклонились по-церковному, от пояса, но говорили чётко и грамотно. Побеседовав с каждой из них по два часа и удовлетворившись всеми ответами на свои вопросы, Дойл представил их брату и его супруге.

Сначала королева оскалила мелкие зубки и, кажется, собралась устроить ещё одну истерику. Но первая из женщин – матушка Сюз – расплылась в улыбке и проворковала:

– Как вы красивы, Ваше Величество, простите матушку Сюз. Бремени ещё не видно, но как оно красит женщину.

Королева инстинктивно положила руку на плоский живот и тоже слабо улыбнулась.

– Кажется, все довольны, – быстро сообщил Эйрих, и дело было решено.

Дальше были сборы в дорогу, несколько коротких перебранок с портным, который превратил охотничью куртку Дойла в инструмент пыток, и наконец длинная процессия, возглавляемая Эйрихом, вышла из замка и торжественно, но до зубной боли медленно поползла по улицам Шеана.

Эйрих поражал воображение подданных: для охоты ему сшили костюм из кожи белого вепря, оторочили каким-то белоснежным мехом, и в солнечных лучах он как будто светился. Дойл отводил взгляд и вполголоса бормотал, что сейчас ослепнет от этой блистательности. Эйрих – единственный, кто слышал его бормотание – также шёпотом советовал пошире улыбаться и временно спрятать куда-нибудь «эту кислую мину». Дойл с сожалением объяснял, что не может, поскольку эта мина и есть его лицо.

Когда ворота столицы остались позади, все вздохнули свободней, прищипорили коней и перешли с утомительного шага на бодрую рысь.

Сначала Дойл ехал возле Эйриха, отставая на полкорпуса, но потом, убедившись, что пока всё спокойно, позволил себе немного расслабиться, натянул поводья и остановился, пропуская вперёд уже вспотевших от скачки милордов, и дождался, пока к нему не приблизятся разноцветные кареты дам.

Та, которая его интересовала, была одной из самых скромных и однозначно самой тёмной: ни капли золота, никакой отделки. Пустив коня так, чтобы ехать вровень с этой каретой, он почувствовал неприятное волнение, отдавшееся горькой сухостью во рту, но запретил себе о нём думать и аккуратно постучал по закрытой ставне.

Окно открылось, и в него выглянула леди Харроу.

– Доброе утро, леди, – произнёс Дойл, а потом мысленно выругался: зачем он, спрашивается, сюда подъехал? Что здесь забыл?

На самом деле, у него был ответ на оба этих вопроса. Он хотел подъехать к этой карете, причём именно так, верхом. Ему хотелось поговорить с леди Харроу из седла, сверху вниз, когда его уродство и отвратительная несоразмерность фигуры не бросаются в глаза и когда он выглядит так, как выглядел бы, не пошутит над ним природа.

– Милорд Дойл? – леди Харроу нахмурилась. – Что-то случилось? Новые подозрения?

Справедливое замечание. Покинув её тогда после обыска, он больше не появлялся у неё дома, а на пиры и прочие увеселения не ходил: жалко было терять драгоценное время.

– Отнюдь нет, леди. Простое пожелание доброго утра.

Леди Харроу о чём-то задумалась, её глаза опустились вниз, но вскоре снова блеснули прежней живостью, и она спросила:

– Поможете мне пересест в седло?

От козел отвязали уже осёдланную кобылу, и Дойл вместе с молчаливым слугой леди Харроу помог ей выйти из кареты и сесть верхом.

Теперь можно было не тащиться возле карет и не глотать лишнюю пыль, поэтому они переместились в середину вереницы всадников и подстроились под общий темп. Леди Харроу держалась в седле отлично и, кажется, чувствовала себя верхом великолепно.

– Не думала, что вы присоединитесь к охоте, милорд, – сказала она спустя некоторое время.

Дойл скрипнул зубами, чувствуя, как по жилам растекается густая ярость. Он ненавидел любые намёки на собственное уродство, даже понимая, что от них никуда не деться. И особенно его злили такие – касающиеся не внешней стороны, а его способностей. Пальцами здоровой руки он стиснул повод так, что побелели костяшки. Проклятье, он был одним из лучших мечников страны – и всё равно был вынужден слышать нечто подобное. Но он не успел ничего ответить, потому что леди Харроу продолжила:

– У вас столько дел в столице. Это правда, что вы арестовали половину города?

Ярость схлынула.

– Четверть, не больше, – ответил Дойл и слабо улыбнулся.

Леди Харроу не ответила на улыбку.

– Значит, на рыночной площади запыхают костры?

– Леди Харроу, боюсь, это не тот вопрос, который я могу с вами обсуждать. Чтобы утешить ваше... – он хмыкнул, – сострадательное сердце, заверю, что казнены будут только те, кто действительно виновен.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.